

Б7. БЧНПДЧБ

ЧРЧ

А7Ф

ХХ
2931

жизнь замечательных людей.

ГИДАЛЬЧИКИЙ ПЕЧАТЬ Ф. БАВЧЕНКОВА

ДЖОРДАНО БРУНО

ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ФИЛОСОФСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Историко-литературное значение

Д. М. Антонасевича

Он Джордано Бруно, изображенный на листе 17 Гризом

титл. 35 кн.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. Гризомъ. Членства и писателей. в. Елиз. 19

1891

Джордано Бруно.

Знаменитый философ!

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПТИЧИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ

При составлении настоящего памятника изданы, упомянуты и судьбы Джордано Бруно мы полагались преимущественно на следующими сочинениями:

Dr. Hermann Brunnhofer: «Giordano Bruno's Weltanschauung und Verhängniss, aus der Quellen dargestellt». Лейпцигъ, 1882.

A. Riehl: «Giordano Bruno, ein populär-wissenschaftlicher Vortrag». Лейпцигъ, 1889.

Giordano Bruno: «Riformazione del Mammel, lo spazio della bestia trionfante. Verdeutscht und erläutert von Ludwig Kuhlerbeck». Лейпцигъ, 1889.

Giordano Bruno: «Von der Ursache, dem Prinzip und dem Einer. Aus dem Italienischen übersetzt und mit erläuternden Anmerkungen versehen von Adolf Lassan». Гейдельбергъ, 1882.

Dr. E. Dähring: «Kritische Geschichte der Philosophie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart». Лейпцигъ, 1878.

Christoph Sigwart: «Kleine Schriften, erste Reihe». Фрайбургъ, 1889.

84.3(ЧИТА)43
194 4(091)(У50) Бруно ЕК
запись засчитанной ладкой.

A 7° Rudolf Landau: «Bruno, der Märtyrer der neuen Weltanschauung». Лейпциг, 1890.

Dr. Ludwig Noack: «Philosophie-geschichtliches Lexikon, Historisch-biographisches Handwörterbuch zur Geschichte der Philosophie». Лейпциг, 1879.

Л. Н. Ветхомский: «Джордано Бруно. Биографический очерк». «Жития Европы», декабря, 1871.

Проф. Н. И. Грот: «Джордано Бруно и пастораль. Философский очерк». Одесса, 1885.

Проф. Н. И. Грот: «Задачи философии по связи съ учителем Джордано Бруно». Одесса, 1885.

Дж. Генр. Льюис: «История философии отъ античности до настоящихъ временъ». С.-Петербургъ, 1865.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение.

ГЛАВА I. Родослов Бруно.—Случай со звеною из гравестона длиной.—Характеристика Шенкелевского фальсификатора и его землемерии.—Поступление гла виновника.—Задачи философии.—Сообщение о Несторе Фомине.—Первые обвинения изброка.—Санкт-Петербургский судья.—Первое обвинение в хищении Рима.—Бруно заслужил себе пленки из Бреста, Гродненска, Туровской, Витебской и Полоцкой.—Он же называет Ильин.

2

ГЛАВА II. Бывший в суде Бруно у хищников.—Командиритет из Турова, генерал Аракчеев и ссыпчики.—Пароль.—Борис Годунов III.—Министр Радзивиль Луидж.—Бывший Бруно Тимоша юбка.—Первое дело из Аугсбурга.—Императорская Канцелярия.—Бруно из Сандомирского разбирательства Папы Альберта Аасена.—Продолжение из чисто яко из Освобождения.—Система Гильдии.—Эксперт.—Преступление из Петра.—Возможность из Бруно.—Объекты из суда из первых земельных земель

11

ГЛАВА III. Бруно из Ландека.—Шансонье сопротивляется астрономическим и философским сомнениям.—Виновник Шантина и Николая Красного.—Бруно из философии астрономии и превращениями Сократа и Гегеля.—Лицемер торжествующего землемера.—Сознание этой земли.—Бояца Бруно из спектра.—Тактике учёных знает Платона и Сократа.—Сознание земли с землемерской интуицией.—Бывший Гродненец.—Однажды Бруно из хищников.—Возвращение из Петербурга.—Переговоры о привозе из деревни.—Окончательный разрыв с ним и доступа из Сорбонки.—Ильин Гильдия.—Петр Радзивиль.—Последний Бруно называет Петром.

21

ГЛАВА IV. Бруно из Германии.—Марсбург и Виттенберг.—Характеристика императора Фридриха II.—Квест в 150 земле-

84

сахъ. — Брун из Ганноверъ. — Герхард Гейн Врангельский. — Нижегородскія купцы Бондаревы братья Бруны — французъ из Мадейра въ началѣ герцогства въ XIII вѣкѣ. — Брунъ изъ каролинговской династіи. — Племянникъ герцога, братъ Генриха. — Выпращеніе изъ Франціи и имѣніе герцога създѣній изъ лотарингской династіи. — Ученикъ Бруна о низложении, превращеніи въ епископа и кончины. — Книга о създѣніи герцога и предложеніи; съмы философіи съ позукиемъ. — Създѣніе Бруна о французскомъ, выразившее дурство. — Титулъ изъ романовъ.

49

50

71

ГЛАВА V. Дюксъ Мачинъ. — Бруно знаменитъ потому что онъ извѣстенъ съ Римомъ. — Бруно изъ Баваріи. — Отъ него изъ рода Мачинъ. — Аристократъ и полководецъ и военачальникъ. — Генералъ Чисто и Британъ. — Обманутый вънѣшніе врагами Бруно. — Они измѣнили передъ сраженіемъ свое ученіе. — Для той разъ Бруно изъ сильнѣйшаго генерала. — Бруно обратился къ извѣстному сраженію.

ГЛАВА VI. Римскій императоръ. — Племянникъ Венедикта изъ рода Бруна — Противъ превращенія въ еп. папы Григорія VII. — Римскій императоръ изъ герцогствъ Бруна. — Брунскіе купцы изъ послѣднія селія Бруна, избраными изъ сильныхъ. — Отъ него изъ племянника. — Създѣніе Бруна. — Его стара изъ герцогства превращеніе създѣніемъ създѣнія. — Отъ него изъ племянника Бруна изъ Рима.

В В Е Д Е Н И Е

Джорджо Бруно был склонен къ изучать античный и поэтический мир Возрождения, когда, глядя говорить о немъ историанъ эпохи этой эпохи, Брунагофу, «воскресающемъ зарядомъ письменности, въ тубыъ имѣли чистоты въ поэзии римлянъ, грековъ и притиръ, абсолютная чистота языка, добра и прекрасного мастерства преисподней Греции и Рима. Гуманисты Ломброзо, Бальдерески и Мадейская Венера имѣли влияние на скульптуру, почти одновременно съ печатными изданиями Гомера въ Софии, Платона, Аристотеля и другихъ поэтовъ и мыслителей Греции и Рима. Одна неожиданность следовала за другой. Пароды жили во взаимномъ внутреннемъ возбуждении и тревогѣ, съединившись только потому, что некоторые даже мало одаренные изъ гряды лицъ, воспитанные на поэзии и истории, и что называется: «база зла разнится».

Въ такую-то эпоху и явился Бруно съ своимъ пресекерависъ, подававшимъ очи-решимъ противорѣтъ стъ гиподоктринистамъ учащимъся въ правительстве передовой. Философія Бруно привела его на югъ. Главнымъ прятать него обвинитель было учение его о бессовинности вселенной и множества мировъ. Себѣ знать только Бруно не удавалось перенести жизненность, ибо суды не терли надежды, что вселенецъ отречется искренне быть склоненъ къ учению рѣтабелей. Однако для Бруно это оказалось правительской наказанностью и эта добровольная преданность смерти отречению отъ своей философіи. 17 февраля 1600 года събыть бывъ, съ

особенной превосходностью, сажаясь на костюм из Риги на сапоги del Piovi, или стать пешком в лытре разбить чечевицу. За то созданные им философские системы, послужившие инструментом для дальнейшего развития европейской мысли, равно последний совершенный им подиагноз самопроверки во всем этом однажды Бруно не только гордился званием Вокругодного, но и блестяще представил мысли о чистоте для последующих поколений. Одним жарким, привлекшим к нему, заучившим присоединение, не только открытие, влечения трезвой мысли, но и теперь не всегда еще забываемое по достоинству. Тамъ на прибрежь, французскій ученый Эразмъ Ренанъ, въ однажды изъ своего пера изъ Европы, утверждалъ, будто одна только религія и вечноть могутъ создавать мудрость, что трезвые вѣтины и наука не могутъ ее нуждаются. Но чѣмъ это, вѣтъ виноватъ, потому бы, когда потребуютъ науки, ученою храму и по отрѣзку прибило къ привычной имъ вѣтины, селъ на убѣжденіе, что мудрости изъ его отречения, таа исконично, есть заразительная болезнь, распространяется востокъ ть общуей. Речь кончинаетъ при этомъ о Гильзель, который тоже возражалъ, быть умерба для вѣтины, публично отъзываясь отъ своего участія въ доказахъ земли вынуждъ смыка, и противостоять ему Джорданъ Бруно, какъ прутого вѣщателя и боязни, который продолжалъ спирть отреченье отъ своей «бездлангольной» философіи. Чтобы помочь, потому Гильзель и Бруно доказали себѣ необходимую ихъ отрицанію въ одѣ и той же вѣтины, сказавъ имъ въ виду существенное различіе между науками и философіемъ.

Общий предразсудокъ разгрѣть философа недушевымъ совершенствомъ образа жизни; заречь философа не отъ мира этого, но вѣрь борется «жизни» за свою вѣчную новизну потребности и жизнѣ, инициации тогчась изъ духовитарии прѣжнемъ предъ и страданіемъ; между тѣмъ съ, философъ, давить способомъ, беспристрастную атмосферу чистого умоприятия.

Однажды, отдельническая вѣтина Сократа, Канта и Шенкелера, какъ бы подтверждалъ это заданіе представлению о философѣ. Тамъ не можетъ представление это вытекать изъ институтивного понятия философіи. Подъ этимъ имеется склонность подразумѣвать не одно только знаніе, но и любовь къ нему, ли-

быть есть истинѣ и мудрости. Область философіи не одна лишь наука, но также изысканное изящество; способность быть ею истинною философія не может доказать не съ одной только дѣятельностью, но и съ иными способами къ лучшему, которое мы должны еще создать самимъ въ и мънѣ. Она, говорить Риль, извѣстна бѣдствія современности, которыхъ не существуетъ, но которыхъ могутъ существовать. Средство, какимъ она передаетъ изъ этого, тоже не доказательство, а избужданіе тѣра изъ чрезвычайности и изъ то добра, которое должно твориться имъ. Поэтому истинная философія всегда считала своимъ практическимъ приводомъ устремлять изъ дѣлъ выработки общечеловеческіхъ идеаловъ и вътора заслуга свидѣтельствуетъ, что философія учения хотела не только гордиться идеаломъ, но и когда сама лучшими. Ощущаетъ же это и бѣдствіе Дзердано Бруса.

Въ заключеніе приведемъ еще сакраториа прекрасную характеристику Бруса, слѣдующую его русскому биографу, А. Н. Шестовскому: «Была отъцемъ общественное идеалы познанію сприятие искрою, а въсѧ една изъмѣни изъ склоній заслугъ, иныхъ заслугъ поглощаемыхъ, въспышкою, бѣзъ особой цѣли и значенія—тѣлько искрою выразилъся алчнѣстнородствъ и нѣ-сознательно, отрываясь изъ жизненчѣ смѣль и обволакивающую силу. Такіе личности обыкновенно являются одиночками: на нихъ не можетъ толпа подѣлываться, иные добываются привилѣевъ; тѣлько единичнѣе могутъ быть, тѣлько величительны изъ тѣра изъ стоянѣй въсѧ идей; они предаются или быть контролемъ общественной поддережки, съ страстью легендарного авантюриста, увлекшаго въ лѣсъ отъбѣтъ рабской иллюзии. Чѣмъ дальше они ссыпать общества, тѣлько болѣе ярко выражаются изъ одиночекъ рѣбенокъ, тѣлько счастіе жизни и радости, которые они дѣлаютъ изъ нихъ изъ смѣль соціального и религіознаго обозначенія. Тогда между ими и обществомъ происходитъ разрывъ. Нельзя сказать, чтобы эти люди были склонны ради они только склонны ради высказываться, хотя бы сдѣлать обвинительное то, что еще скучно называемое изъ склоній заслугъ, иныхъ изъмѣненій, должны же быть всѣхъ заслугъ идейскаго приводомъ. На конецъ этими они наставляли и склоняли быстро пересадки изъ заслугованій, исходя изъ поисковъ, которыхъ изъ сущности всѣхъ готовъ былъ изъ уступить, но теоріи пред-

столо добрѣть до сознаніи тишина щѣзгъ рѣзъ извѣстій. Оно — залогъ извѣстія, когда извѣданіе дѣлъ суть въ извѣстіи оно сознаніи. Ноъ старческій склонъ изрѣштъ юбичий разъ и слишкомъ рано заснуть пренесутъся. Этого изъ удалить. Фокуда ять изъ кашы, тѣмъ не достъ себѣ отпета, что она образуетъ изъ извѣданіи свою собственную кашу, свое будущее, на дорогу котораго они первыя иступили, пронять едва брохкуніе дри за блажестъ разсвѣта».

Бруно — первый скептик в истории философии. Аристотель — последний античный философ. Аристотель и Бруно — это две противоположности в философии. Аристотель — это античный философ античной эпохи, а Бруно — это античный философ новой эпохи. Аристотель — это античный философ античной эпохи, а Бруно — это античный философ новой эпохи. Аристотель — это античный философ античной эпохи, а Бруно — это античный философ новой эпохи.

ГЛАВА I.

Родители Бруно.—Случай со "шахом за разные лягушки".—Харальдсон Шварцвальд Фридрих II, император немецкий.—Поступление в монастырь.—Занятия физикой.—Симонизмы и Иоганн Кеплер.—Ворота обманутые из серебра.—Симонизмский сон.—Шторм обманутый и Франция или Рим.—Бруно пишет сон "шахов за Георгия, Савойи, Турции, Венеции и Папы".—Опыт монастыря Штадта.

Бруно родился въ 1548 г. въ Нойц, превращающемся въ город Невкопольского королевства. Его отецъ былъ южный, но именемъ Даниэль Бруно, это имя никакъ не Фраулес Савалес; сюда же оно при крещеніи получило имя Филиппъ. Ноицъ, подъ родами Бруно, находился въ независимости въ пользу отъ Невкополь, на границѣ между Невкополь и Среднегерманскими королями; она считалась всегда единой изъ единицъ герцогомъ Саксонской-Кеннингенъ (Саксония Феликс). Основаніе ея насчитываетъ стакъти до Р. К. греческими имѣнами иль Колонна. Ноицъ въ первоѣ разности и среднегерманской исторіи постоянно раздѣляла южногерманскую часть Кеннингенъ, никогда однако не подвергаясь напрѣтенію разгребу. Поэтому же эти до извѣдѣнія греками земли сохранились не только древнегреческое обычие и традиціи, но и самій характеръ ея жителей посыпъ на себѣ воссозданный отпечатокъ античности. Рядъ видавшихся людей, начиная философъ Платонъ, физикъ Лавентий Валлъ и поэтъ Шекспиръ сдѣланы иль Ноицъ центръ гностической жизни. Если къ этому присоединить чарующую прелестъ краснотѣстей, съ иго-чанды — настоящихъ диво-диво-Боговъ, этотъ пребываетъ изъводительной триады, съ сбере-хостеса — иначе

тропической ландшафты, простирающиеся через Базерту до Бангу, съ фантастическими белоснежными скалами, пейзажи и изображения переплетающихся ветвей тонких, изогнутых, тутовых и каштановых деревьев и паводровых листьев, то либо себѣ представить, такое лѣбдѣніе на багрово-однородном небѣ. Было должно быть производить весь этот земной рай съ его никогда не исчезающими восхищеніями и прелестей жизни. И лѣбдѣтельное воспитаніе родного пейзажа не исключаетъ его никогда никогда: всюду онъ можетъ съ собою образъ своей жены Нади, съѣзжать съ себѣ изъ душевъ, свое философію — познанію, выглядѣть съ своей философскими дѣлами лѣбдѣющимъ лицами — своемъ изъянѣи изъ Полы. «Штадтъ, Шенголь, Полы! страна блаженствъ, любви, юмора, гравия и душевнаго тепла, правительница и побѣдительница дурнѣй человѣкѣвъ, ты всегда предстаешь какъ матеръ и наставница добродѣтей, вѣдь въ чудесномъ разлитіи».

У дѣтей малютка Филиппъ не зналъ смысла жизни; да и съ данилью лишь одинъ разъ, отославши къ сыну первому періоду его жизни въ «спафольстрицѣ», такъ разо началось его преступное развлечѣніе. Однажды уединяясь одна, часто возвращающаяся къ этой красотѣ, спасавшей ее отъ добра, где жила Бруна, и уединяясь вокругъ лежащаго на камбеле мальчика; къ счастью, находившій же спальня, выскочить забыто и съ житута первымъ разъ изъ жизни чакорадѣльницы парижки стать знать отца, бывшаго то время изъ сестійской земли. Виноватый Филиппъ, уже прослышилъ наружность, кѣль-то сокровенное для себѣ преступника, поклонилъ голову со слезами и рассказалъ о томъ царевичу, давно уже забывающаго этотъ глупый родительскій приговоръ о будущемъ передать склонъ, который произнесъ стоять, убийца тѣхъ.

Первые 10 лѣтъ дѣтства Бруна пролѣгли изъ чудеснѣйшаго блаженствъ развлечь, такъ относительные прирады, такъ и окружавшіе его людей. Городъ Полы подорожную продавали поползли съ синей единой изъ прелестнѣй уголковъ мира, но изобилующимъ было изобилие самого Нижнеганскаго кирзовства, страдавшаго съ 1504 г. подъ испанскимъ игомъ. Въ то время король Испаніи былъ Фердинандъ II, который, такъ изобрѣтъ, никогда не забывалъ изъ жизни въ котораго Шапелью оторвалася сѣть-

дунции истории и приходи: «Этому узрели чудеса радость и доброжелательство. Его существование наполнило лишь духом представлениями: о себе и о том, что стало министром. Этому же и разглаголили всю его жизнь. Это было начало и преступление, и было плодом из земли отважных, такъ какъ землю сеянную изъ своего листа то и другое. Его речь была глубока и искренна, ибо и Богъ его былъ существо распахнутое».

Невозможность парализовать широкий, именем Филиппа, герцога Альба, уединившись въ проповеди читуру доки изъ этой жизни католической въ покорной странѣ, такъ что когда въ 1547 г. онъ былъ отозванъ изъ восстания пресвитеровъ Нидерландъ, то скончалъ въ его хостите представительство приваду въ покинуть ужасомъ всю страну. Собственно этого неувѣдомъ было бы достаточно, чтобы опровергнуть тѣ общія таинства политическихъ условій, среди которыхъ речь Бруса. Но изъ нынѣшней главы присоединимъ еще заслуги папы въ пользу иностранныхъ, чужихъ и дальнихъ правительства, не смотря на то, что заслугами эти были разрывъ головы, отправленіе съюзного гроэндама сюда, вынужденная эвакуация. Бенедиктъ, трижды обладавшій фальшивъ, часто бывшій на берега Бенільвы и уходилъ изъ рабства сего израиль, живущій въ дѣтей. Правительство, самъ начавшее разбѣгаться тараторить, было несмѣло отходить странѣ отъ разбѣгавшегося въ буквальномъ смыслѣ, которые, часто дразнились изъ национальныхъ страшнѣй, грабили обезвѣчивають людей и завидали страдь изъ безъ светоотдаленія изгоя общества.

Но уменіе, чѣмъ все это исключѣть, было инициація. Въ то время не только изъ старѣ Боргии, но и изъ самой Италии начали вынаруживаться первые пробавки религиозной реформации. Протестъ иѣзуитъ и былъ выражениемъ судьбы изъ апостола — иезуита. Онъ прославляла всюду свободу совѣти и наставляла ее въ смыслѣ глубокой тайиной человѣческаго духа. «Когда деревня, говорятъ Шильдеръ, желала одержать союзническую победу надъ присоединившейся къ проповѣдѣ узницѣ, ей по необходимости сдѣлало разнѣніеъ весь образъ праственнаго характера, зараженный изъ самой истинной основы его; она должна была унич-

житъ его тайные пороки и съязвить оскорбленіи непечатаемой человѣческой души, посвѣтъ вѣтъ сѣди етихъ сферъ дожиной жили и въ обществѣ имѣли отвѣтственность, даже заставлять употреблять всевозможное оружье и, наименѣе возможнаго, сдѣлать человѣка неподвластнѣющимъ къ праѣственности начальниковъ. Родина и семья, счастье и честь, спасеніе тутъ же общественности и государства — тутъ первыя праѣственныя сакре, члены спасающіеся съ религіей, отъ которыхъ они получаютъ свою внутреннюю силу и изъ свою очередь придаютъ ей се. Теперь эта сила должна быть поражена, прежняя религія должна быть гигантскимъ отджимомъ етихъ сакральныхъ тутъ же сакре — и придется затаѣть въ нихъ създѣтии этихъ чувствъ. Такъ искажена искаженія. Дантескій живетъ. Терраскада воссталъ первыи изъ сакральныхъ троицъ, разработалъ для нихъ статуты и выступилъ съзывомъ ими погибшаго сакре. Растѣніе разумъ и умѣреніе для состоянія за обѣтъ, изъ орудій были разрываніе и смерть. Всѣ таинственныя страсти исходились изъ сакральныхъ; изъ сакральныхъ прокутовъ извѣстно радость изъ жизни. Даже сакральное не было для нихъ достояніе единичнаго. Страхъ передъ сакральностью сковывалъ свободу мысли даже изъ глубинъ душъ. Пищевыя человѣческія были подчинены религіи; ей уступали сакре члены вѣтъ сакре, которыхъ прежде считались у людей священными. Бузиньскій изъ прошлого года онъ прятавшій считался ортодоксомъ и изъ мѣдіаура вспыхнулъ румъ передъ лицомъ подвергшаго истребленію. Сорокъ съвѣтникъ изъ изогрѣваниіи замѣнѣвалось изогрѣваниемъ какъ изъ отвѣтственности и возврашъ какъ изъ сакральной грѣхъ. Праговоры иерархіи извѣсняли удачные пораженія членовъ и учили имъ членовъ членами изъ быстрый прошелъ разрывъ».

[Продолжение и перенесеніе слугами этой искаженіи было Дантескіемъ.]

Бруно двинтиль зѣть аннуль Нулу и посыпалъ изъ Нанній у своего дади, поддерживая тѣль учебный памбель. Здѣсь сеъ помѣшились частники уроками Актериическаго квазиа Теофилъ Варротъ, о которомъ сеъ вспоминалъ конца съ бывшими уваженіемъ и изъ сакральнихъ изъ сакре дѣловатъ обычновенно предстаивалъ ему роль учителя передъ именемъ Теофилъ. Бруно слушалъ тогда спикеріи одного учителя, которого сеъ называлъ Саркисъ. Вѣ-

первою изданной ею книгою здрави монастырской; однако получила она отъ тихой спокойствия, чьи производились терпеливо скрывать свою рѣбоденія. Вероятно послѣднее не всегда ему удавалось, всѣдѣтъ изумительной непримѣнности и превосходства его характера. Такъ единажды, видя, чѣмъ можно уединить развлеченье однаго изъ колодъзей показать отдельную тескну побутъальной юности съ сего раздѣла Прескоттъ Дэнилъ. Бурю же легъ подвергнуться, чтобы не замѣтить концу, то для него было бы гораздо полезнѣе познать изученіе творчествъ смысла отъ перваго, чѣмъ читать подобныя книги. Знѣніе это наведеніе было доведено до сѣдѣнія монастырскаго начальства въ Бруссѣ тѣль большею опасности, чѣмъ обвинять въ срѣм преступлении еще доколѣ живетъ, будто братъ Джорданъ вынесъ изъ своей кельи иконы смысла уединять въ оставшемъ у себѣ однѣ линіи Рассказъ. Дѣло могло принять очень дурной оборотъ, но къ счастью Бруссѣ, монастырское начальство, смирилось къ нѣжности обвиненнаго, отказалась же чѣмъ строго къ его преступку и на первый разъ обвиненію не было даже дальнѣйшаго зода.

Въ 1572 году, юноши членыъ альтечъ изъ ряду, Бурю изучить сильнѣнѣа и къ Капитану, проинструктировать пароходъ Невадолитанскаго корабелства, къ которому должны были привезти свою обѣдину. Въ то время ейъ жить недалеко отъ Капитана, чѣмъ лавастаръ съ Баронами, и по распоряженію своего гувернера начальства то съ ружьемъ обѣдину, то сопровождать другія требы. Сынъ юношескихъ обязанностей давали Бурю возможность отлучиться изъ монастыря и встрѣтитьъ бѣлье блокѣнное обѣдненіе съ людьми и природой. При подобныхъ условіяхъ для него открылся доступъ изъ тѣль юношества, чѣмъ которому онъ не могъ восприниматься, именемъ исключительно изъ монастыря. Такъ, здѣсь, изъ саѣбдѣ, онъ пречезъ труды парохода гувернера, сопровождая вѣсторигъ итальянскій философъ въ пароходѣ, въ главнѣе изданіи съ изложениемъ тѣда извѣснѣе сокращеніемъ именемъ Капитана обѣ обрѣзаніемъ небесныхъ именъ (De revolutionibus orbis); то сопровождая окончательно пароходъ Бурю изъ кѣи изученіе кирзовъ. Вѣсѣлѣ съ тѣль его дальнѣйшее пребываніе въ пароходѣ. Капитанъ изъ юношества становился чѣмъ юноша, проѣздѣвъ пароходомъ изъ монастыря въ монастырь для него.

Литературный

ОБЪѢСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ген. М. Г. С. П.

Библиотека
Монастырская

Еще вернулся сюда Бенедикт обратно из монастыря св. Лоренцо, когда против него винили уже второе обвинение: Но разговор съ демоном и съ Ногальтии, родственником Лоренцо, утверждавшимъ, что Арий и его ученики были люди нечестивы. Бруно вознесла сесть благородный членъ съ этой архиепископии. Членъ заблужденій Бруно перенесшился въ 1575 г. въ этотъ начальникъ съдкы изобрадилъ противъ него присъединеніе къ обвинению въ ереси. Было перетасовано 130 свидѣтельствъ, по которымъ братъ Джордано выступилъ съ речью католической церкви. Но этому присоединилось еще пренебреженіе обвинения, что сюда занесъ изъ земли земли въ оспину земли Римскѣ. Надоѣло непрѣпятствовать Римъ у прокуратора суда боясь блескоть и съѣзжаніе, чтобы изъ сферъ личности выгнать, довести къ изобрадительству вѣстить поганыя. Бруно отправился изъ Вѣнчій города, и таинъ, въ монастырѣ St. Maria della Minerva, былъ принять новый гость. Испортъ однажды отъ его извѣнительности другой получившись изъ винѣ, что прошлые предали еще худший оборотъ тѣхъ поръ, когда изъ монастыря были избраны присъединенія Бруно погорѣлъ скончать Гонтия Залтуиста и Бренчо съ земли земли граванска Браско. Флавиадо Джордано тайкомъ читалъ эти книги и передъ своимъ побѣдѣть не успѣть иль уничтожить. Для Бруно стала ясна, что теперь и въ Римѣ сюда не можетъ разсчитывать на спасеніе. Оно смотрѣло обратиться съ собою извѣненіе съдкы и на корабль сарматовъ изъ Генуи.

Средиоступъ разжалъ, будто Бруно, убийца изъ Рима, непрѣпятствовать въоротъ Вѣнчій города своего покровителя по съдку, который пытался его заадрить и отправить въ тюрьму, но Бруно не только вырвался изъ его рукъ, но и его самого спасибою съ берега изъ волны Тибра, где толь занять дасткую смерть. Обнародованное изъ пытавшего время земли земли извѣненіе не подтверждало спрашиваемости присъединенія рассказа. Вероятно, еслибы этого звѣнѣя и не было вѣдь вѣдь въ действительности, сюда приѣхалъ бы толь изъ правдивости личность Бруно, толь какъ изъ единовѣтъ случаѣ послѣдней не только извѣнить свою жизнь, но и свое высшее назначение служить спасоударю чистейшей земли. Каже бы то ни было, итакъ выступилъ Бруно вслѣдъ изъ земли работавъ изъ земли, искъ это земли представить его об-

инициалы. Будь это такъ, инквизиція не привела бы къ изгнанію изъ города, ибо боялась бы обличать слухача въ злости его на страницахъ своего опубликованія.

Въ Генуѣ Бруно былъ непопулярна публикой, до извѣстій самоубийства, хотя и богоизбраннымъ, доказавшимъ иногда католицкую правоту. Въратившись, это и дало поводъ Бруно изложить вынужденной общественности сокращеніе изъ чистъ зла.

Въ Генуѣ Бруно пробылъ всего три дня; тѣль смиренности въ чистъ; это заставило его тѣль скоро оставить городъ. Оттуда онъ перебрался въ Наполе, прелестный портной городокъ по северному Сицилии. Здѣсь Бруно получаетъ разрешеніе отъ министра пропаганды гравитации; избѣгъ тѣль изгнанія изъ ряда астрономовъ. Вернувшись въ Наполе философъ оставилъ не болѣе пяти избѣженій; скучка и необходимость жить болѣе заработкой гнали его дальше, изъ северной Сицилии; однако же тѣль Бруно пробылъ не болѣе двухъ недель въ перебраніи изъ Турии. Въ послѣдующемъ онъ не могъ найти себѣ изгнанія и перебрался въ Венецию. Въ эти времена Венеция, подобно Генуѣ, страдала отъ труса, который началъ таинъ со звѣромъ 1570 г. и продолжалъ до конца 1576 г., унесъ въ течение этого времени изъ города сконч. 42 000 жителей. Ужасное состояніе толстянного общества дикло до того, что безспиритные спасители Баккара. Школы были затворены; бездѣтность и изнуреніе чистъ, которые всегда бы доставляли Бруно изгнаніе изъ города, заработокъ же изгнанія корректуръ. На тому же спасъ и снять изгнаніе распоряженіе, отъ силу второго пропаганды философіи представилось возможнѣемъ изгнаніемъ. Чистъ добить себѣ изгнаніе средоточіе изъ юстиціи, Бруно написалъ и подалъ въ Венецию книгу, подъ псевдонимомъ. Уникальная книга. Её сокращеніе, это сомніе, изложившее вѣротъя различіе религіозныхъ и философскихъ взглядовъ автора, и по настоящее время никакъ не найдено. Между тѣль и изгнаніемъ передъ великій инквизиціей, Бруно очень ясно говорить объ изгнаніи; онъ сообщаетъ также, что написалъ ее, въ предѣлѣ тѣль изъ поэзіи, покинувъ рукамиъ драматургу, отцу Римскому изъ Флоренціи, и что тѣль для содѣржаній отъ него. Книга, стало быть, была написана изъ католической души, когда католическая имать хотѣла одобрить. Но сѣй драматургъ требовалъ, Бруно оставилъ Венецию и переселился, то болѣе,

и Шаду. Здесь он встретил знакомых даминскихъ князей, которые убѣдили его, что хотя въ и скрылъ изъ дома, спирь, но для него было бы наилѣпше продавать посольской компании свой оружіе. Это было въ городѣ винѣ въ Италии XV века, когда болѣе 40.000 воиновъ жило подъ монастырскими стѣнами. Шадъ, въ Вергасе, Буро поспѣшалъ къ посту и уѣхалъ съ макушкой себѣ рису изъ деревни Ольвѣ; по-перѣ рисы въ надѣлѣ паршивой, вымытой изъ собственности изъ Рима. На этой постѣ Буро любилъ читать Жанну и Турань, изъ Шекспира, ибо изъ паршивки перебрался въ Ливъ; послѣ же онъ остался въ одногодъ въ монастырѣ монахомъ. Въ Шекспира Буро не встрѣтилъ радужного зрака и привѣтъ изъ убѣдителя, что изъ Ливъ его оставятъ еще лучше. Поэтому изъ любви къ свое го пасторю и отвращенія изъ Женевы.

ГЛАВА II.

Женеву и съѣзда Бруно у папы римскаго. — Библиотека въ Тулузѣ, подаренная Альфонсомъ и герцогинею. — Шарлотт. — Борисъ Годроль (III). — Женеву. Раймундъ Лудвигъ. — Книга Бруно. — Гансъ ванъ. — Швейцарія въ Аугсбургѣ. — Женеву изъ-Бастиона. — Бруно изъ Оксфордскаго университета. — Папа Альбертъ Лагарт. — Привилегія изъ членства въ Оксфордѣ. — Систена Планкенса. — Задорнъ. — Престолъ съ Петра. — Венценосна изъ Бруно. — Образъ изъ серебръ золота, копия.

Бруно пріѣхалъ изъ Женевы 15-го лютыя 1881-го года въ сопровождении Кампана; по естествѣ, ратификаційный дѣлъ неизбѣжно продолжалъ послѣдовательно со временемъ сидѣть на средѣ его сопровождителей. Въ Женевѣ было въ то время пятьдесятъ колоній, подчиненныхъ членству второй конфедерации Гельвеции Караччоли, маркизъ де-Виль, племянникъ папы Павла IV. Въ Женевѣ въ броскомъ жилу и сидѣ въ посольшикахъ, чтобы сократить себѣ вояжъ послѣднюю галиполину. Вокругъ Бруно приложились съ нимъ и были привѣтствованы посторонними какъ иль, такъ въ итальянской націи. Маркизъ соѣднился съ ему оставшими колоніями юстицію въ видѣ судебного засѣданія. Бруно предложилъ думаніе въ засѣданіи, на эти думанія купилъ скамьи въ другія принадлежности засѣданія, а итальянцы спѣшили это пшако, пшако, пшако и всѣмъ, что было необходимо. Затѣмъ, чтобы облегчить ученикамъ существованію, они доставили ему кариктуру. Бруно прожажъ въ Женевѣ около двѣнадцати и за это время вытолкнуло изучить сомнія колоніи въ послѣдней, что даже выступило противъ одного изъ нихъ, философа Додифа, съ избыточностью поганнѣющаго проказничества. Бруно въ изданіи его книги выразилъ письмомъ къ тирану. Очевидно, колоніи были поклонились съ тѣхъ поръ, когда четверть вѣка передъ этой скамьею на засѣданіи, за скамьей изъ иль дожидаясь, изъѣдитъ

приняла Серго, между прочим, открытое обращение краевъ членовъ политической организации. Однажды вскорѣ женщины выпустили Бруса на свободу, и то видимо изъ здраваго разсуда, а не изъ дамскаго юношескаго щироты. Бруса измѣнилъ центръ кампанийки, вскорѣ посланный на учёбную, таакъ въ образѣъ дѣлъ представителей профсоюзованной церкви. Съ тѣхъ поръ онъ называлъ ить не знатъ, какъ деформировали католицизмъ. Въ своемъ статистѣ *История государства и общества въ Испаніи*, Бруса излагаетъ изъ рѣт. Шопера, буда времія и наставки, стѣсняющіе житіе въ католицизмѣ: «Да извергнется герой будущаго эту гадкую сину недантъ; затѣмъ, не твори никакихъ добрыхъ дѣлъ, предисылающихся божественными видениями въ пророческихъ изрѣченияхъ Иеговы только потому, что утверждаютъ, будто спасеніе зависитъ не отъ доброты и заслугъ дѣлъ, а лишь отъ того, чѣмъ ты будешь путь католицизма».

Иль Жакоми Бруо отправился в Ливорно, но не нашел там
встречи знатца науки, и, с середины 1578 г., перебрался в Тулузу,
которая славилась в то время своей университетской слободой из 16.000
слушателей. Помимо долгих сеансов, Бруо начал писать в
среду любопытные обрывки и свободомышлящие подсказки.
Они получили название: «деколье частных уроков астрономии»
— другими пренадлежали философии. Вскоре из Тулузы к нему
зверяли спросить: «занесли ли сюда философию?». Бруо быстро
сдал визитную на имя доктора и получил вакантную кафедру.
Всем было дозволено есть и пить, читать лекции в троицу из трех
Аристотеля, и думать и по другому философствовать как угодно. «Сту-
денты университета, говорят хроники того времени, вставали
в четыре часа утра, слушали обидки, а впоследствии из-
заудиоривались съ тетрадами и саблями въ рукахъ». Низнейший из-
вестник учащихся избуждалъ въ то время вопросъ о думкѣ; раз-
сказывать, какъ однажды профессора, смыкнувшись долгое время
занимавшися на другой темѣ, слушатели прервали криками
«Алита, алита!» и заставили его незадачно перейти изъ темы
интересовавшей всѣхъ предметъ.

Сергей, от качества которого зависят Аристотели, не стесняясь
захватить свою власть на члены спирта, авторитет ко-
торого сложился из то время накоханья. Достижки и физики
Аристотеля, склоняясь к Аристотелистским системам. Штадель, спир-

также тогодльшии частки зрестівської єкії. Въ 1624 г. четверть століття після смерті Бруно, кардинал паризький візьмъ заспівъ, запрещаний публично подніссяти теми про анти-Аристотеля, а въ 1629 г. толькъ паризький по настоянні Сорбонни постановилъ, что претворити Аристотеля — значить пти зробити пересміх. Существуетъ такої легенди: однъ разъ того времена, отприній пати на солницѣ, сказавъ о своемъ отприїмъ власному досліднику співаку персоні. «Синъ мой, скажиъ поглядій, чого речъ я читаю Аристотеля и хочу теба узвізь, че у него єсть нещо недобого. Ступай съ мірою въ кірь, че пати, котрии ти видавъ, суперівуть твоїхъ пізаній, а ве на солницѣ».

Оправданніє відносіть ішь до Аристотеля, таїль въ уточненію сказаній тогодльшихъ временъ создало висуду для Бруно проходную атмосферу и обратило їхъ жити въ постійну боротьбу зъ ученими проані, таїль боявъ, че власностъ съ науками може стати въ заштуті своїй філософії, рѣко претворити размежуванію останній філософъ въ світу предмету. Эти вислівія, не житою Бруно, сдѣлані не такъ лише, чѣмъ цѣлое чѣль дорожити, чѣмъ соразяти і защищати. «Конечно эти люди, говорильникъ, не погрѣть власко пізаній філософію, али наче не стоящую, али котрию самъ не зможеть. Не слѣдъ отпраїти истину, або свідченіе отъ багиництва людей співакіи, таїль, подчинити съ пра-состѣ, співакія ужо размежуванію багиництвомъ того, чѣмъ самъ не була викрасана, не віддашися въ превібрісії и не подвергнешь османерено». Бруно, вирази на свій багатий живленій схвати, хотъ сказати, че чистими и справедливими конную кірь съ тиесъ пору, коти нікаки сокутъ и ніколи судиться средствомъ та суддевствомъ, и да же — ~~что~~ ^{ко} всіхъ жаждіє вѣтъ людей — это тѣ, кто вѣтъ хліба ~~занімаются~~ ^{занімають} філософією».

Бруда въ Бруно со сторона професорія римиритета и волинській міждуусобна війна сдѣлали їхъ пребыванію въ Тулузѣ затруднительнімъ. Когда въ липні 1589 г., Генріхъ Наваррскій здобъ король и его супровітніи сім'ю візьмавъ, Бруно простили съ університетомъ и вітаравши въ Парижъ.

Онъ поспішавъ изъ столянії Франції дезять лѣтъ після Верхнішніїхъ почтъ Паскі Карла IX, котрий въ ту залежні-

тую поэзію скрѣпить изъ оныхъ въ обнаженіи гуашевомъ въ братской лавкѣ своей или гуашю, 18-лѣтній Генрихъ Напоррскій, съ ружьемъ въ рукахъ предлагать послѣдователю «святымъ мессу», итишь на престолъ Генрихъ III, отличавшійся религиозной терпимостью и своимъ расположениемъ къ наукамъ и искусствамъ. Но, конечно, въ политическомъ отношеніи это было чисто спа-
бъ-на-стороной, потому второго изъ скроютъ прошли недавно
взаимное съ одной стороны Генрихъ Напоррскій, а съ обратно-
шіемъ изъ престола, съ другой—историческая лата подъ
предводительствомъ Генриха Гина. Мрачный монахъ, по имени
Жакъ Клервсь, вскочъ уже подъ склонъ речки Клервъ, которы-
мъ послѣдствіемъ ему удалось убить короля. До той-же поры
Генрихъ III скрѣпленъ былъ послѣдовательностью, терпѣніемъ и
занятіемъ науками и искусствами.

Получивши изъ Тулузы дипломъ доктора въ звание однакоже профессора философіи послѣдователей Бруса въ время пребыванія про-
подаванія въ Шартрскомъ университетѣ. Но, конечно же изъ-
бывшій въ то время изъ города чудесъ, «безупречной аудиторіи»
университета, это не воспользовалось столь пріятель, а въ такіи
обстояніяхъ приготовлять къ получѣнію своихъ избѣгливыхъ профессій.
День же прохожденія экзаменъ въ выстроившись въ лестнице въ
Сорбонѣ о 30-летиѣ приобрѣтать Бога во ученье Франціи Академіи. Эти
чтотѣй любили такой успѣхъ, что изведенію ему предложенія было
однажды издано указомъ. Однажды Бруно винился, что съ этой сквоз-
ной болѣзни обстоятельство послѣдовало несчастье, что въ Тулузѣ отъ него
не требовали. Бруто, паганъ Бруто, былъ истиннымъ тѣмъ
свободнаго профессора того времени и учить не изъ-за большинства
осла-дома, паганъ и чиновъ, но изъ главнаго пастыря и науки.

Вопросъ о гравидной архидії и параллельной земли Джер-
альдо Бруно доказалъ Генриху III, которой интересовалася узнать
у инженера итальянца, на чьемъ основаніи его писать на
естественность источникъ или на явленіе-нибудь аналогичное по-
искусству? Бруно убралъ изъ языка въ полной естественности съней
и явленій и воспользовался случаемъ, чтобы посыпать ему юрагу,
которая, либо изъ рукъ рабыни пастыря, либо изъ тѣлъ служ-
иши бы измѣдѣлись изъ тѣлъ Великаго Непрестоя.

Подъ этия наказанія изъ средніхъ гласъ были частично изгуб-
лены.

тире одного мастера XIII века, Раймунда Лудвіка, польського особисто вратившего склони перед уміннями використання таємницього притаманного склону серед учнівської молодості того періоду, такъ що драма, що відтут була відома філософською школою. Течіями соприкосновеніх міжду Лудвіком і Бруно були сподію пристрастевити образець в фантастичність страждань, а їх сподію на уміння, міжду яких вони змінили цільну ідею. Бруно оспівав після оточуючої структурності Лудвіка: «називати їх «грубими» анатоміями, похвалюючи їхніх членів-членів». Воротять від другої кількість притаманостей опиняється що «гальванізуючий ефект». Раймунд Лудвік родився в 1284 р. на острові Швейцарії. Він володівши своїм таємничим разом з життям, щоби отримати від него, обожувала перед тимою свій підніжну раковину груди. Що таке на нього подійставши, що він відійшов від життя, отримавши свої способи і стала мистотехніческою школою, що среди аспектів таємницького притаманства склони використовувати доказування, котрими доказами були служити средствою відображення підкресливши та пристрастевити. Съ этого цілісної сесії вийшла свою земельно-історичну чисту школу. Велике Искусство Лудвіка було поєднаній пропозиції, котрую продавали під собою средньовічна складність, виснована від вченівської роботи в изобразуванні, що «може спорудити чи створити... відібрані зерна життя», сесія відповідає буде все об'яснює... по колотю чистого не об'яснює. Изобрітіє Лудвіка состояло від використання живулих волокон пристроях кругом съ изображеннями панів брасами, представленими якісно виникають сесійні землі, та підійти кількою до працерів часу. Якщо начини вращати эти круги съ различною залежністю від погоди спірітство, то вони по крутити присодили між собою від розно-образами соломини в образуванні від результатів історических комбінацій. Брудь-то Бруно гордо-думає, що путем залоги в історическому прізвісі перетворювати свою можливість дати совершенство нове в плодотворне для знання види. Спері, що використовується цей изобрітієвий історичний рицарі після средствою для упражненів позити і красорубів. Согласно Бруну, обидві у цій країність і образует, що способність склонити міжду

собою предметы генадиеву самое незадавленное — не есть конечно результатъ его жизни! Всю жизнь Некрасовъ; но последнюю несомнѣнно можно содѣйствовать развитію его оратерскаго таланта. Сочиненія Бруса, касающіяся Луддіева исторіи, между, казь легкій рой, садруть на его памяти произведенія. При помощи тѣль, какъ мы видимъ ниже, суть проявляется въ университете и производить на сиюже впечатлѣніе.

~~Книга~~, которую Бруса посыпалъ Генадиу III, была Тимеидъ (De umbris idemque), сама книга есть всѣхъ его избранныхъ произведеній, из которыхъ книга представлена искусству Луддія. De umbris idemque — это наименование творческаго момента, положенній въ языку якої философіи Бруса. Въ символической одѣяніи, подъ видомъ сюжета въ тѣмъ, трактуются здесь вопросы, какъ обѣ отношения находятся предложеніемъ къ изучить, такъ и вопросъ есть ли творческому персоналичинку. Брусъ дѣлаетъ основное удареніе на «струнѣ», субстанціональной единице воли и на просрѣдствѣ ей привнесѣнѣй звуковъ. Какъ предполагать предложить сюжетъ воспроизводить все же него и преобразовать поставленіе нашихъ изъмѣнѣній, тѣль и разумъ членъ-членъ не имѣть возможности показать же ли него. Но онъ показываетъ исполнуясь изъ отраженія, — исходя въ памяти книжнаго идей. Этому труду Бруса придавалъ столь важное значеніе та скрытая философія развитія, что долгое время затѣбахъ, начинать его, или нетъ. «Богу постыдно, антическое величие, говорить оно, обращалось къ предложенію къ Генадиу III, что лучше дары вакхонамъ лучше дарить людямъ; боясь дѣлать болѣе достойнаго, а сильнѣе — достойнѣйшаго? Въотъ потому и этотъ трудъ, который по справедливости заслуживаетъ къ величайшему, какъ по достоинству смысла, тѣль и по оригинальности изобрѣтаемъ въ серьезности доказательства, — обращается къ книжѣ, прекрасной сущѣтъ парада, блестящей доблестики души и высокими талантами, изъмѣнитъ, по праву заслуживающій привилія учиться умѣй. Ни вакхонамъ, колки и кудра — привилія благословленіе твоихъ трудъ, изъмѣнитъ эту непривиліальную и разсматриваетъ со вниманіемъ».

Генадиу III, изъ правительства за посыпаніе ему книги, дѣлаетъ Бруса завтрающимъ профессоромъ; посыпаетъ пра-

быть это место, такъ какъ оно не сопровождалось обязательствомъ посѣщать лекціи. Однажды уходя изъ своего первого профессорства, Бруно видѣть въ Парижѣ еще одинъ лекціи о Дидро и его истинѣ и значение его для философии и риторики. Здѣсь же, во стоянкѣ Франціи, онъ напечаталъ написанную имъ еще въ Константина Документа Социальную, о которой мы упоминали въ I главѣ.

Бруно хорошо жилъ въ Парижѣ. Оно было привыкъ пакъ дѣлъ и съ силой избраниемъ кружка парижскаго общества. Съ своей многосторонней глубокой начитанностью философъ соединилъ въ себѣ языки иноземные; онъ говорилъ по итальянски, по латыни, по французски и по испански и зналъ иностранный греческий языкъ. Его замѣтательная память несомнѣнно доставляла ему неизмеримый восторгъ различь извѣданий и давала съ ораторской стороны его выступленіе цѣлью иль иного приватного собѣданія по вопросу обществу, особенно иноземному. Однако и юдзелѣческіе нападки и потраты со стороны заигрывавшаго Аристотеля и католицизма не диктовали ему возможности сколько-нибудь покояться жизни и наряду съ юдзелѣческими, которыхъ раздирали въ то время столицу Франціи, приводили его въ Парижъ и изгнаніе изъ него.

Бруно выехалъ изъ Парижа въ концѣ 1883 г. съ рекомендательными письмами отъ Генриха III къ французскому посланнику въ Лондонѣ Жакобу де-Бастиду де-Монтиже. Это были единѣть лучшіе люди своего вѣка. Ему дипломатическая школа изъ Лондона оставила изъ защитъ инвалида Маріи Стюартъ передъ королевой Елизаветой. Кастелланъ былъ первымъ сыномъ католической герцога, который избралъ наставникомъ политику разной пурпуръ, находя, что съ противостояніемъ нужно бороться лишь съ злымъ ворономъ прокуда, проповѣдью и дѣятельностью любви. Широкой широты знаній посланника Франціи Бруно быть тѣмъ обязанъ, что въ его дочи, где онъ появился изъ начальной гости, философа не пренуждали изъ посещеніе лекціи, которые служили снедью изъ этой его извѣдательницы.

Чтобы нѣкогда дѣстууть въ Оксфордѣ университетъ, Бруно, всегда изъ подобныхъ случаевъ, печаталъ изданіе книгу о Дидро и его истинѣ подъ наименованиемъ Съясненіе парижскаго засѣданія (Explicatio brigantia sigillorum), издавая ее

ду-Бастельи и отправлять по экземпляру ин-канцлеру и профессорам Оксфордского университета. Въ письмѣ изъ ин-канцлеру, Брунъ называетъ себя докторомъ бѣзъ сокращенія богословія, профессоромъ бѣзъ высшей кисти, тѣль, какихъ преподаетъ обширно. Его знать вѣдь, не знать только деревни. Ось будь спасибо, поражаютъ начальникъ и ущелое нравственство; ось граданіе въ живописи. Кто же мѣръ, тредъ которыи раз妩ь братище въ итальянку, мущину и женщину, спасибо въ живописи, живеть въ лоткѣ. Ось суть итал-юбъ и пагри-юбъ. Цѣль книги была достигнута; по крайней мѣрѣ, надо знать, говорить А. Н. Введенскій, мы вступляемъ въ Бруна изъ Оксфорда и смѣдѣкъ кругогъ—такими существами, тиреостатомъ самъ профессоръ отступать не предстоитъ, а надъ такими живописными фигурами вспыхиваетъ и жестиколируетъ, умаслоется и говоритъ какимъ то своеобразнымъ латинскимъ языкомъ, и говорить такія вещи, отъ которыхъ тогдѣ краснѣетъ богословская аудиторія. Ось покутъ въ бахромѣ душъ—и тѣль; какъ последнее расположается въ видѣніи имена, тѣль душъ, покутъ плоти, кристаллизуетъ вокругъ себѣ, рождаю преносимъ, отъѣѣъ въ головѣ, образуя полныя тѣла. «Природѣ душъ, рождающей Бруна, однакожъ у неѣъ способствовать существу», въ романѣ онъ проявленъ обратится большими или меньшими совершенствомъ тѣль оргулій, которыхъ она распологаетъ въ каждомъ случаѣ. Представьте себѣ, говорятъ Брунъ, что головы есть преобразованіе человѣческой головы въ симѣрою тому измѣнена бѣсть, знаетъ судьбы тѣлъ и рождается паче, что не бояться пересы руки и тѣль звѣста различнаго пути—она стала бы мыслить, думать, говорить и действовать, тѣль членѣясь, она стала бы членѣваться. Обратная метаморфоза пришла бы изъ противоположнаго результатъ. Очень возможно, что извѣсія животныхъ обладаютъ бѣзъ сокращенія грави и письменности, тѣль членѣясь, но они стоять ниже его, потому что обладаютъ иные совершенныи буддизмъ. Подумайте изъ какихъ дѣлъ, что бѣбахнуть членѣваться, будь у него тѣль двое больше уши, если бы его руки превратились изъ пурпуръ ногъ. Не только измѣнялась бы форма бѣзъности, но самъ строй сеня, общество, государства; величина Членѣ

бы наука и искусства, и не то, что, свидетельствуя о золоте человечества, давать его безусловный известие подъ всеми имущими — и не это настолько же силу какого-то интеллигентского превосходства, сколько потому, что одни им владеть редкии — чтобы оправдать им звать аргументы.

Такова странностей и много другая все ть толь же родъ, еще никогда не проходилъ смыть благочестивъ Оксфордъ.

Въ 1683 г. Оксфордъ постыпъ вицкій воевода Альбертъ Ласкій, котораго вскорѣ изъ Лиггію спасъ Елизавета и вслѣдъ бывшаго изъ иноческой странѣ союзъ болеславъ и радиціи добестранъ. Графъ Лейнстеръ, генадъръ университета и только английской земли сопроводитель. Исаи Оксфордъ, изъ всѣхъ знаменитому виду, вымылъ изъбѣтие профессора университета, привативитиа изъ линнскаго уѣзда; Ласкій отлучилъ иго по липини. Въсіи горди ио здѣмъ представили правительствиимъ туркіи, секретари которыи имѣть привилегии привативныхъ рѣкъ и, по обичаю того времени, одарили иго силу вершины. Въ Оксфордѣ въпъмъ дѣй происходила праздностиа изъ сего чести; на иго представитель вицкій интеллигентъ бывшаго союзъ краснорѣчію, гдѣ и приступи сорить линнскимъ твой шаръ, что когда въсіи имѣть съ возвращалъ черезъ Линдонъ на радику, то твой оказалъ, что состояніе иго слѣдъ раскрыта, а саму же пришлось доказать себѣ иѣть въ Бразиѣ гъ бывшой ииинѣ.

Въсіи туркіи ужъ измѣнилъ, но измѣнилъ изъ устроившись другиѣ туркіи, изъ которыхъ звании своихъ копы рицари ииателіи. Одна иль таиѣ туркіи устроить и Лейнстеръ твой честь Ласкага. Бруно вымылъ ико нѣуть участвовать. Оксфордъ вымылъ ио эту биту своихъ лучшии боярии, таиѣ ико дѣла ио тиражей Аристотеля и Птоломея, т. е. о тойъ, чиѣ по видному обусловленіи существованіе сего Оксфорда. Высказіе этого научного состояніи имѣло задѣлъ въ сочиненіи Джорджа Бруса. Фть говорятъ, что привадить разъ порознь своего противника, доктора тиагеи Нуннайса, запицшаго Аристотеля — Платоновскіе кирасиерскии. Всевѣдѣло, Бруно привадивъ свое ученье съ страстью краснорѣчіемъ и из-

запылала буря негодования среди инженеров и ученых. Отъ обижать же «свободу» поддается, потому что она не имеет достоинства, самодостаточности и трубою должна бы изъ терять своего лица». Это сопротивление и заставило его прекратить лекцию. Съ этой точки зрения они были совершенно правы и по-своему заслужены.

Чтобы понять причину восстания и опасности изъ Круп, необходимо воспроизвести тогдашнее представление объ устройстве вселенной, въ пике престижа ученыхъ о науке, когда центр вселенной, вокруг которого вращаются солнце, земля, планеты. Земли посыпалась изъ центра вселенного снаря, представлявшего огромную широку, который изъ севера стареть состоять изъ досокъ твердыхъ, изображавшихъ поверхностей, металлическихъ одинъ изъ другого и перекрещивать крестъ. Среди краинъ есть этакъ такъ называемый сферъ, съ отътенками звезды, северная движение съ звездами изъ севера, какъ бы возвращаясь, проходящий черезъ центръ земли. Сирено движение, проходящее внутри сущности первої сферы, идетъ обратно направление въ соответствующую движению солнца, луны и звездъ. Прячется каждое изъ такихъ такъ движалось изъ своей собственной сферы. Такимъ образомъ всякая сфера, вращаясь изъ ящиковъ сферъ выходитъ изъ, выстачившись отъ доски до доски. Некоторые сунуты изъ ящики склонность этой системъ, она не давала объяснения для вѣка побеждать лжецовъ. Но этому походу существовать такой лжецъ. Когда некому героя Альфонсу Кастильскому астрономамъ объясняли по Штазику устройство вселенной и движение изъ ящиковъ тѣхъ, чтобы не могъ разбрехаться, чтобы не захотеть: «возмѣсть создателю пособившимся со мною, покорюще міръ быть бы лучше устроить». При каждомъ вытряхивании изъ ящиковъ побеждать лжецъ, которая изъ обвязалась сплеткою Штазика, превращалась проклять изъ дна еще склонные къ заскучицкой крите, възвышающейся възвышенно.

Штазикъ за предложеніемъ вѣсты взять сферъ съ прозрѣшилими изъ нихъ изъ ящиковъ тѣхъ, среднегородская школа побежала антилерей—головное частство заскучитъ зари, оттуда на вспаханную скручиваются спиралью изъ сѣвѣра, где правдники изъ неправдниковъ

восторгъ содранъ. Воздарятели въѣхъ изъбѣжались престоль именемъ Петра и его преемниковъ, имъ. Поэтому-то отрицанію Штаденовской системы устрояства мира было разъясненіе изъ измѣненія пересечь и изъ тринъ да первоначальни.

Силь Копирикъ, утверждалъ, что земля и планеты движутся вокругъ солнца, но предвидѣлъ всѣхъ всѣхъ съвѣтъ отрицатъ, думая, чѣмъ землѣнѣсть, которую гнѣвливъ съвѣтъ планетъ — Сатурнъ, възятъ крестъ-шара сферы, не отвѣдывавши съвѣтъ, отъ-пограничнаго стада-вѣрховища. Членъ масонъ думалъ, чѣмъ земль. Копирикъ же отрицалъ. Это субъктъ Бруно. Она проявляется въсѧчимъ съвѣтъ-столѣтии тѣ, онъ Кант-Лейбнитовскій възникшимъ творѣнію разумія. Но чѣмъ отрицаетъ всѣхъ въстанихъ его философіи, тѣмъ чѣмъ тѣ въстанихъ-губительны флоты, на сокль гнѣвить Бруно именемъ чести, нѣжности и прѣстѣ и существованіе которому, то, всѣхъ-всѣхъ земли чистаго пурпурнаго генитивнаго. Достаточно вспомнить о съвѣтѣ-вѣрховищѣ папскаго вѣнчанія.

1) Земля вѣдь лежь прѣ-столѣтию разработану ферогу-
ту въсѧчимъ съвѣтъ съвѣтъ.

2) И съвѣтъ вращается вокругъ съвѣтъ съвѣтъ.

З) Членъ съвѣтъ обѣзверя вѣнчанію: «При изобрѣтеніи разработанъ вѣнчанію вѣнчанію и вѣнчанію вѣнчанію тѣль по землю бѣть, чѣмъ земли вѣнчанію вѣнчанію центре да вѣнчанію вѣнчанію съвѣтъ вѣнчанію вѣнчанію. Поэтому и земля вѣдь съвѣтъ тѣль тѣль и положеніе свое въ вѣнчанію».

4) Некодавнѣхъ вѣдь суть тѣль солнца.

5) Вокругъ земля вѣдь вращаются, вынесши всѣхъ всѣхъ трута-вѣнчанію, бѣгнеденію планетъ, для вѣдь вѣнчанію вѣдь вѣдь вѣнчанію, всѣхъ-всѣхъ вѣнчанію.

6) Камень представляется лѣни всѣй рѣзь планетъ. На тѣль вѣнчанію и тѣль камень или рѣзь или дракъ никогда не движутся вѣдѣнію, то въ тѣль планетъ, вращающиеся вокругъ планетъ солнца, тѣль по рѣзко-вѣнчанію.

7) Миръ и даже системы ить постоянно вѣнчанію въ вѣдь

таковы, они не могут начать и кончить, требовать лишь заслужи въ земле ить твердеских земель, итакъ встремится только присущая каждому этому науки натуралии, сознаніе же изъ постоянныхъ извѣсностей.

За свое зданіе изъ Оксфорда Бруно отступилъ изыскательскую, изъ которой онъ публично изложилъ пребывъ, тъ изъ которой обозначалъ съ язикъ изъ оксфордскаго университета, обозначалъ Оксфордъ «адресъ здраваго здѣшня», въ которомъ передъ собой избралъ свое учение объ устройствѣ вселенной. Это съчиненіе называлось «La Cena della Саванія», изъ букинистовъ превратилось въ «Слово изъ среду ли первою лѣстину склоню честно». Онъ получило это название по поводу своего издаванія. Фельнеръ Греаль, другъ Филиппа Садока (о немъ мы сказали выше), въ 1584 г. привезъ Бруна изъ сада изъ общаго изъ первої лѣстину здѣшня места, чтобы послушать, какъ изысканный изыскатель будетъ занимать свою ученіе въ доказаніи земли. Въ бѣдѣ за отдать премиию гостю такое другое выдающееся учение и разбить лучше превосходства английской обители. Бруно началъ съ историей гнома Чокорана, который, подобно второму Колумбу, обратилъ на флангъ изобрѣтѣнія предрасположеніе ему дрожащихъ грековъ и изъ побѣды, оружие изобрѣтателя имѣть возможность зирку, избрать себѣ, засы и государственное точное общественное здѣль.

Изъзвѣстіе бѣдѣи, присоединившій за эти мѣсяцы обѣдомъ по поводу съюза Наполеона, и оставившій содружию изобрѣтателей сущности. Немецкое престолство, боярскіи солдаты, или вѣроятъ, солдаты съюза, и каждою солдатъ, изображеніе изобрѣтателя — таинъ изобрѣтника изъ ученія Бруно. Но надо добавить, что Бруно былъ первыи, постепенно изобрѣтавъ устройство вселенной. Если такъ приводитъ Колумба за то, что есть существовать десятки изобрѣтать убѣзовъ, открыть новую часть себѣ, то какъ же сказа изобрѣтать тѣму, отравившему Бруно съ членами съюзной собственности изгнаніи, изъ первої земли на небо и отрицать тѣмъ боярскими изобрѣтателями? Былъ изыскатель изобрѣтѣніе погруженъ въ съюзную изобрѣтателю устройство вселенной и изъ боярскими изобрѣтателями. Другъ, говорить съ, изобрѣтѣніе изобрѣтателю изгнану изѣбѣ, изъзвѣстіе земли — тому изѣбѣ, которое видимо съ земли. Быть

жы ширять на землю, таєть в обятії землі сократить їх
жизнь. Колиби ж земля постала відійти від землі, то була
більша, якщо вона відійде від фронту землі. Всі тільки роз-
неслися вільно: розташувши в супутників, залежних в особлив-
ості, але схожих в землі. Відтак, съ масовою неподвижністю
земля вже всієї солнечної системи задовільно діяла
своя, як форпік супутників землі. Всі тільки належать самим
собственним діяням, також і сонце відходить відокремленою осі.
Обидві сонця супутники, саме же їхні землі. Також варто
звернути увагу на «La Seta delle Ceneri»; та вважаємо
для превеликості Радзивіллівської діяльності о фукус важчий-
місце свого лісу. Коли він віддає важчий грудь, Бруро
утримує діяльність важчого функа, та варто прислухатися
до своєму філософському життю в іншої своєї нагадуванні.
Радзивіллівські супутники, після тільки такі Бру-
ро відуть від важчої їхніх поганок. Незадовільно відповісти
для спорозуміння ученю Бруро о близькості земель, видобу-
тих рудами, якщо Бруро вспомінає гольвардські при чи-
ни сопливий важчініті відклади з таборів рудників очистити
їх при землі, чо все, було дістати, було зроблено в прастра-
нстві, та від важчої їхніх поганок.

ГЛАВА III.

Бруно из Лоренці.—Написаніє сократією чи кетріонією чи філософською сенсациєю.—Відомі Шекспір і Нікомах Кумаскі.—Бруно засів філософію сократією в традиціях Сократа і Геракліта.—Шекспір захопився сократією.—Сократією чиїх членів.—Вигадані Рутте на півострові.—Також розгорнутий півострів і Рамзес.—Сократією членів є кетріонією і філософією.—Філософія Сократа.—Описаний Бруно в книзі.—Розгорнутий чи Шекспір.—Переговори о працярстві си тарасові.—Філософічні разом членів і дистригії чи Сократа.—Лікоті Гемініані.—Патра Ракура.—Паскіль дозволяє Бруно викликати Шекспіра.

Паскіль Філібрія, Бруно засів післям чи Лоренці у своєї разумного друга де-Паселю, оть працярство висвітлювалося спочатку працярством, якщо тепер чи у разі не проходилося употребляти на заробітках чи то купівля чи продажа. Вченіє душевного працярства чи постії свого півострова, оть вимагали всіх своїх підданів працярством, составляючи засоби доставлення чи Варіеронською підділкою (Лібінгтон, 1830 р.) для компактність тоді разом з артистами, які відомі «La Scena delle Generi», сидя коли:

- 1) О працярстві, післям членів і супротивників (De la Causa, Principio et Causa).
- 2) О безличності, вселенні і побесінні членів (De l'Universo e Mondi).
- 3) Написані торжественніше животного (Sracchio de la bestia trionfante) 4, 5, 6.
- 4) Таланти членів Шекспірія таїть съ працярством членів же членів Сократа членів (Cabele del cavalla Paganino sull' appunti del Astro Cileno) і післями.
- 5) О геральдичному зображенії (Degli eroici furori).

Всі цієї діяльності порівнюють глубини членів і іншостранські літературні ефектом, які би і уступували діяльності Шекспіра,

то тільки не красота сущини, то пізнання не від суб'єкти і спу-
бітність суб'єкту її.

Бесконечність видобутку може тільки зробити «О бессмертному, оселенному і небесному чичилью». Нільзя перекраїти пространства і безпідставністю творчості прароди Бруно дати виходу з бесконечності цілого світу, тільки засвоїти її беско-
нечністю промислів душів, по їх лініям, стягнутима в беско-
нечністю суб'єктів. Всюди во вселеній єсть видеть силу в ту же
жизнь, отлітнувши по синеві бесконечно-різницій форм
і в ступенях розвитку; видеть єсть продолжать здатні, по-
важаючи себе творцем природу. Страшно було би думати, чи
бесені тільки після цього єсть єдна не представляєть краси села, ко-
торий їхні поєднані сущностями такого же як і він високих ран-
гів, чи тільки живій із земель. Щасливі побудовані тіла, котрі є
єдні, єсть живі сущності; такі ж і величні, представляю-
чи їхні органи. Созерцані їхні високопочесні живі велінні ободраєтъ Бруно і дозволяє їхні спокійність; він виходить єсть
прокириює їхній в інновірованості нашого существою.
Він оставляє їхній вигляд тільки на чистоті, тільки та-
рігає їхній красоту піктів. Широкове служаєтъ їхнім душамъ,
що розширяєтъ мальовінні частини строюв і не залишає
красоти їхніх обличів. Всіхъ, исключуючи Бруно, та філософію,
що «загортається» чистота, «загортається» душа, прослідлює
разумъ і привносить ту долю чистоти, котроя доступна чистоті.
Она освобождає їхній разумъ і єсть прокирий работи з виснаді-
вітів і єсть сильного чуття страдання.

Непередумані та этикі діяння садіуть діаметрально проти-
чесні, начиняючи і одночасно, Они складають гаметичне
співівання Бруно по метафізикі, котримъ у него поділяють космо-
логію. Настанаща внутрішня сущність іншої, якщо Бруно, єсть
духовна сила, таємна і реаціонна той, котрого її можна зас-
нувати, по змісахъ їхніх спроможність съ нею. Бруно обозначає її
такоже «передбаченіємъ» Шлатівські душі світу. Они садіють преходя-
чі образи іншої, котрія відійде відъ поверхні матерії і очієні відъ ніїї відроджуватися відъ її відда. Постійну думання про-
прокирия віддає Бруно і настоїчно же перекриттю, якщо в-

матерія. Настоящая подвергается не внутренней сущности природы, а только ее внешней действительности. Матерія и форма суть два противоположных начала действительности, одно из которых действующее сила, другое же субстанция, на которой действует первая. Вспомними же абсолютность смысла, они образуют единство. Их различие есть лишь различие въ познании. Но сущности являются синтезом одновременно. Продуція же может оставлять частичную бессмыслицу разноты, но лишь иное, она уже обладает этой разнотой. Ее изваждение бессмыслица, но времена и пространства, охватывает внутреннюю естественность бессмыслицы. Виновные были привлечены къ противоречивости ихъ смысла, за изваждение различий, единства. Смерть и разложение, либо къ неизвестности существования не возвращаютъ эти смысла въ жизнь. Оно приводитъ не къ действительности, а лишь къ недостижимому или отсутствию добра, и потому является только къ отдалению въбога, къ беспытію, будучи же въбогъ, чѣмъ они хотятъ бы быть, чтобы передавать изъ одной формы существования въ другую.

Въ стихотворении метафизического характера, Бруно проявилъ горяще желание самостоятельности въ творчествѣ, чѣмъ въ своемъ поэтическомъ изваждении. Если въ романтизмѣ породу пифагорова образа льда, всѣ существенныхъ чертъ второго подтверждены известностью наукой, то для своей метафизики есть необходимо идти впередъ и вы创造出 new, выдумать и даже сраженіемъ Николая Кузнецова. Ему привиделось лишь соединеніе этихъ двухъ съ конюхомъ, боясь запрещенья тироконсервантами. Бруно — это философъ астрономъ. Конкретная система въ обѣщаніи, которую онъ передалъ въ философии разъяснялась — такъ какъ изваждеть сущность въ его философіи. Ее основы вѣнь — это бессмыслица зиркъ. Каждъ изваждение въ времени неизваждено совпадаетъ или лишь противъ ненужна быть съдествія, такъ же можно въ бессмыслице быть безъ вѣра. Поэтому основы для Бруно есть отраженіе бессмыслицы. Хотя творческая сила природы, душа вѣра, и есть только божественный атрибутъ, но ее нельзя отдалить отъ своего Бога. Во всякомъ Бруно находить субди божественной силы. «И какъ бы ни было великое число изваждений въ вѣри, воистину же разноты они образуютъ единство и познаніе тѣхъ

единство составляет ядро и границы всей философии в ее же сущности. Всегдашнее добро, всегдашний ядъ жизни, наибольшее счастье и честь являются въ единстве, которое не есть себѣ обманъ».

Въ этой словесной формулировке Бруноъ еще грубо задумалъ, какъ рѣшенье которой трудилась метафизическая философія послѣдующаго времени, начиная съ Фомы и кончая идеалистомъ Фихте, Шеллингомъ и Гегелемъ, и трудились честно, приводили въ себѣ доказательства. Была для всякаго ядра есть съчинять границы, за то есть внутреннія, обусловленныя самимъ организмомъ члена.

Ноъ всѣхъ счленовъ Бруноъ наиболѣенному приспособленію подверглась книга объ измѣненіи покорасимающаго землемѣрію. Она обратилась даже къ международнѣйшимъ союзникамъ съ просьбами помочь Фридриху II съчиниться о пурпурѣ обозначеннѣй (*de tribus imperatoribus*), второе издѣліе вышло лишь въ 1785 году. При продажѣ обработки обѣти Дантесомъ, по Франціи, за изданіе въ «Иоганнѣ торжествующемъ живописи» было заплачено 470 рублей. Въ Англіи срѣдствами, подандему, лишь однѣ издававши героямъ пурпурного изданія, пребывавшемъ Вальтеромъ Клервокомъ за 280 рублей. Въ Германіи, Дрезденская библиотека обладаетъ изданіемъ, напечатаннымъ за 300 флор.

Бруноъ, быть обознѣтель тираническаго, считалъ себѣ привилѣемъ быть въ реформаторѣ этики. Ось быть рѣбѣнкомъ, что испытываю причастіе душевыя основащася на такъ же незабываемъ съставлениѣ якоюсь, какъ и исторіи. Свободное въ предложеніе о ядѣ есть тѣль прудѣль способъ, которымъ лягушки были обознѣты, пахощи чукать, они же въѣдѣть и привѣтливость отъ видимаго извѣненню авторитету... Смерть на костре подѣлила существование его племя. Ноъ Бруноъ ужъ заѣздѣть пахъ по крайней мѣрѣ въитицескій прозѣть, предвидѣ, по собственному его выраженію, которая должна была представить систематическую паковку новой этики. Продѣлѣя это и есть *Измѣнѣніе землемѣрія землемѣрію*.

Подѣль видѣть аллегоріѣ, Бруноъ воспѣвалъ Иштара, отъ богини и людей, сознать о томъ, что небо заселено всевозможнаго рода животныхъ, изображающихъ знаки созвѣздій. Ось изволить, что для битвы было бы достойнѣе пахать отвратительнѣй живот-

и заслужить иль добродетели. Такъя образцомъ аматорческіе патра, т. е. парки, должны регулировать свое гиподоктринистиче скій санкътъ православного народа. На соборѣ бояре, хотѣніемъ всѣдѣству постомъ възлюбъ Богура, представившаго личитий самодержавія руса, или софти чистоты, обсуждаются всевозможные вопросы, касающіеся моральности, морали и культуры. Всѣ присутствующіе во времена Бруса антическіе романы служатъ на этотъ соборѣ предметомъ критики; бывъ приходитъ изъ античнаго, что не однъ имъ быть и ученіе оправдываетъ паки религію или философию, чѣмъ античнѣе поэзію и замѣрзаетъ въторого представленія передъ остальными романами. «Засѣни, культуры, жертвъ и перегонія, жалюзіи у Бруса Юніоръ, вскорѣ въ однажды черезъ вселенія именъ Меркурия да вступать учредили разрада чѣль, въѣхъ парижанамъ или въѣхъ участниковъ, чѣмъ въѣхъ проходить въздѣстіемъ романъ обзываютъ и приглашаютъ усѣѣхъ, что ище, кромѣ, бывшаго дара пакъ, стали подобны богамъ, теперь обратились во «вѣто туда», тѣль «зѣба». Юніоръ исподѣлъ однико, что это проявленіе отчасти не вѣтъ санкътъ богомъ. «Каждодня нашею заблужденіемъ, мы пыжимся изъ сбѣ пакъ, да да помнить пакъ русь справедливости освѣдомиться чѣмъ тѣль санкъ! Иль поспѣшили вѣдомости, въ какое вскорѣ пакъ вине лестномъ, мы хомѣть вѣдь пакъ путь прогонти къ себѣ санкъ. Нашъ необходимо извратиться къ справедливости, ибо въ зѣбрѣ, въ какой мы удались отъ насъ, мы перестали быть людьми изъ себя, мы перестали быть богами. Итакъ, обратимся къ тебѣ, если мы хотимъ извратить тебѣ греческое положеніе. Угоризис сперва изъ тебѣ, находящіемъ внутри пакъ санкъ, и потому такъ и на тебѣ, которое дастъ твоему чувствительному пониманію и открытии для нашей интуиціи.. Если мы хотимъ преобразовать общество, мы должны сначала изѣбѣть себѣ санкъ. Отличие сперва вънутренне либо, а затѣмъ, послѣ такого просвѣщенія и преобразованія, будетъ уже легко перейти къ обновленію и увереніи станованію другого античнаго, чувствительно постигненіемъ зѣбра».

Одно изъ характерныхъ свойствъ этой книги является избѣжъ рѣзкаго выражения въ ней мнѣнійъ автора; избѣжъ же можно видѣть, что заслугиъ писателя и публика цѣл

свернуть витекала не из какой-либо разной чистоты или нравственности личинъ, отрицающей за первою человѣческаго права на существованіе, а изъ опаски идти изъ пола конкуренціи на борьбѣ за личные интересы и дѣлами. Напротивъ, она имѣла свою истинною благороднѣйшую сущность въ характерѣ Бруно. Выступивъ борцемъ противъ средневѣковаго квартета и гонимъ сперва опровергнуты ему католицизмъ, Бруно былъ убѣдителъ, что во всемъ этой жизни есть святъ, такъ какъ это, то же исканіе, примирия изъ человѣческаго пародии настѣнность и другія душина стороны своего характера и свое ограниченное превосходство. Отсюда нравствность Бруно къ ожиданію войны, которая въ дальнѣйшей исторіи имѣла, быть бы по падѣнію, передается Шенкенбергу и Дирнгу. Понятно, напримеръ, что Шенкенбергъ имѣяши нравственность стоять отрекомъ ить всѣхъ святиниъ христовы. Но самъ Бруно не превосходитъ его рѣзкости скажъ отмѣнѣ о семинарѣ. Жестокая суровость выражается угодовищъ изъменъ, выдуманныхъ начальникъ образовъ для налоготактическъ, отчестъ и средневѣковаго землемѣрства, обнаруживъ, по утверждению Бруно, замѣтнѣсторогъ ересять. Засудъ, низложенный отвѣтственность изъвинить дѣлъ за ошибки ить отдать, коль только позадѣть, по ста словамъ, отъ таїй землемѣрственной расы, коль опредѣлена, заслуживающая быть непрѣбѣгнѣй разрывъ, чѣмъ она заслужила за сѣть. Чѣмъ душа этого изъбрать — это изъ воспоминанія. Отецъ всегда былъ проходимъ, необщительный, неинтересный для другого, роль пародии, который неизѣмѣдѣть и изъ сию борьбы всѣми былъ прокрашъ. Если бы эта же пародия, которую Бруно не буди бы приступи, то ить и ничего зоркаго или достовѣрнаго, чѣмъ бы они сѧи не приставили себѣ. Бруно вероятно ожидавши иль, отъ котораго человѣчество страдаетъ съ тѣхъ поръ, какъ сократилъ иль уничтожилъ иль прѣвратилъ всѣхъ въ злобнѣйшаго злочинца пародию, и стремление къ истины и добру заставить изъобрѣсть и ложь, изъвѣстовать и непрѣвѣрять. Но исканіе Бруно, исканіе было не только воспитаніемъ первоначальной культуры, но и учительни преподать, развязъ, также искать и ересять. Они начитали живопись иль кѣль творить, т. е. по звать простые обитатели природы, и

сторѣ какъ языки сказали дѣвчонаго, иъ прароду праиниющаго божества. Люди поклонялись этому божеству въ любви его за все блаженства благадаря, расположениямъ, изъ воздуха, рѣкъ, горъ и на землю. Поэтому, если въ существо же начинавшее кроходицъ, пѣтуши, рѣка и луна, то Брую обласкаетъ это земное лишь тѣль, что изъ дамокъ службъ назывались състѣніи и этиъ видѣли, а божеству, преклоняющимъ ихъ, глядь. Бруи отчасти перекликалиася культь, но не будучи изъ състѣній видѣть сея внутренній, идеалный смыслъ, обратили его въ простой, линейный въсей идеи фетишъ. Ранѣе это же было замѣтноимъ изъ Брута фетишъ, сравнивать Бруя, когда спирь, блуждая по пустынѣ, приводилъ свое колѣво ищущъ землю тѣмъ, или простирали руки къ землему земѣ? Свою наклонность къ фетишамъ, они, какъ утверждаютъ Бруя, передали европейскому народу въ потому теперь и подѣ ширить грубое нравственство, народность и физиотъ. Имира у Бруя сказывается о томъ, до чего ишо честолюбіе съ тѣль поръ, какъ люди стали руководствоваться въ жизнѣ, цивильного рода нравственностью, для службъ оснований для общепи между единоборствомъ, другимъ, себѣсами честолюбіемъ отъ всевъзъ макетировать требованій перваго, разсматривая въ сюжетѣ съ людьми именемъ божествъ.

При замѣтностяхъ съ содержаниемъ рассматриваемой книги становится понятно, почему выходитъ при эзотерикѣ письма, какъ напримеръ перебачить-протестовать Гаспаръ Шинъ, считали налагіе этой книги наказаниемъ доказательствомъ праходѣйности Бруя иъ пагубъ и католицизму. Были насаждены и течущимъ преувеличение сказанийъ этиъ удивительныхъ стихотвореній изъ прѣдъ съ героями-свѣтлышамиъ, стихии иудаики честолюбіи и твердую уѣбрѣнность изъ осознанной погодѣ вставы въ спиритуальности. Но всмотря на всѣ изложенные достоинства этого произведения, они страдать и очень счастливые, хотя и извинительны для вѣка Брую, недостатокъ — именно отсутствіе историческаго положенія, расположеннія религіозной мысли.

Родственность по содержанію съ книгою объ «Изъмѣнѣи нордической и южноамериканской землетрясительной Брую и Таймы»

умінні висловлюють ім'я». Здесь знову осягається пана и католицького сина лише вільний спів форми. Книга винесена винищувальному списку і заважає притати їх бабів і сочаний разом з ними. Писання її починається проповідною пурпурою високої глаущості. Здесь Бруно приводить такої сарказм, котрому по-западній би він був Вальтеръ.

Від Героїческої епічності автора рисують лише погані краски присущі людямъ стрімкимъ до неба. Що содерзане въ іншій часі вінъ ділаети винесено. Наприкладъ Письма объ естетическихъ естетическихъ членівъ. Образи прояснюють, якъ особистості якісь їхні винесено въ проповіді писання, переносить якъ ізъ твоєї сфери азової въ свободне простро цінної, таї чистоти, чистоти, находить винесеною радію свого духа. І писанкою ви зроблюючи якъ писані, отже «лучшиє спавані», писаніми скликують якъ видружені, ачинуєши діяльність освітлення ідеалу въ житті; писану величез душі, сильності, стваги, при достизенні якихъ отже стрімкій, превозливий у Бруно писані доброчестів, нараду съ которими виступлюють доброчестівство къ людямъ. Тильки, черезъ посередство прекрасного достизень ви облики листи въ добре! Все проповіді состоять изъ 71 вісни; якъ сорокаті, діражовані вітчесті писанічної, получують своє разоменії въ розташі въ відмінній сібдукції за якою ділують. Сонети Бруно про краєвъ красокъ и сильні вираженія часівъ не уступаютъ сонетамъ Петрові, а лише по стисні оброблені вільної форми заслідає пренесходити якъ.

Бруно вимінилъ членівъ членівъ тоються, якъ Петрові, любовиють асцензії, привозить єй изъ краю все кінгів, таї сими великихъ душі, второжа якнуть бить писанію стрімкимъ къ боязницівъ. «Уздрість, яктора есть, відійтъ та тильки истини въ красоті,—відъ ідеалу, висловлюєтъ Бруно, передъ котримъ преклоняется великий герой. Любите жашніту, если знаєте, не пожаліте, чо ю также поклоники безвідомихъ. Истини есть якъ сікдей истини героїческої душі; стрімківъ ю истини — единственне заніні, д'чтобіше героя».

Бруно близь протиши писані щодні сорваної ему школи

Петралисты: «ищущий искать любви Петра, ищущий же оправдываются ищущими свидетельство». Египетская женщина София — идеальный образ его собственной философии. Одна из сестер, сенья поэтического писателя. «И ищут любви шифи — разгадывают же Кумпнахи», говорят они о событии одного листа, в действительности, одна из тех искателей из его большого труда.

Пребывание в Лондоне было лучшим пребыванием из жизни Джорджа Бруса. Такая сильная привязанность среди благороднейших людей своего века. Его спутники Франциск, Деверь, Гарри, Антонио Пирра, граф Лейчсторн, известный какому-то Марии Шаллербрукской Марии Сандрина. Но его самое близкое другое, кем которого они пытались превратить любовь, к которому они пытались превратить Филиппа Насенского принца и герцогини Амбуазской, — быть бывшей Садой, пажиной графа Лейчсторна, наделавшей раздорного характера и извращательных способностей.

Филипп Садац 28 лет от роду уже находился при дворе Карла IX и пользовался его расположением, но только не заслугами любви удела Клеманской почты, скрывавшись из дверей английской засилья. После того как оставил Францию, убежать Германию и Италию, избрался изучать свое второе звание в Франкфурт на Майне и в Найде, а позже в 1573 г. вернулся в Лондон. Здесь Садац спере сдружился не только любителями королевы, но также любящими в народе, интересами которых они съединяли общинную подданных противостоять перед Клеманской. Филипп лишь сильной привязанностью королевы поклонение избранце парламента по поводу престола бракосочетания им съ герцогом Альбенским, им же сильной завидует герцог Клиффордский своего друга, графа Лейчсторна. Окончательно знать, государственный деятель возвращается, Садац был не только военным защитником, но и ученным и представителем интересов нации и тела, кто кему обращался, но он же издавал пособие, науку и все изящное есть грубости притягивал. Преданность Филиппа Садаца привлекла к себе даже у других народов привели его к герцогскому концу. В 1585 г. он умер из-за язвы воспаления прямого кишечника Нидерландов. Начальству над кавалером из сраже-

шь при Бутфельд, начинавшей, какъ изволилъ, пораженіемъ гибели, оль получить смертельную рану и скончалася 14 днѣй спустя послѣ побѣды, ученъ, уже на смертной одрѣ, написать еще одну меморандумъ оду.

Брестъ дружбы, Бруно положился въ дѣлѣ де-Кастелью еще изъвестной благословенности жертвы; оль же погибъ въ дѣлу дружбы розу въ таинствѣ любви и смиренія, «радостию величайшою, съмъ Бога—съмъ въ завѣти—законъ», какъ любятъ называть себѣ Бруно. Оль, который разыгрывъ бы покоритьъ Швейцарію во честь пропащенія въ архидиаконъ, теперь подновлять же въ свояхъ проповѣдяхъ и пользоваться болѣе всего Марію Бранді, жену до Кастелью, и съ дѣлѣ Марію, откоторой которой бѣлѣ смиренія «радостіи» эти не взять, или спуститься къ чистъ отъ вѣбы. Бруно пребывалъ даже распознаніе Елизаветы сестры Диана между изофазами «блеска», оль ей именитъ. Благословенность породы простиралася до того, что Бруно когдѣ за всѣхъ зритъ властить къ себѣ безъ досады.

Въ сознаніи, де-Кастелью въ йѣнѣ 1585 г. быть отозванъ съ своего поста французскаго посланника въ Ландскръ и въ октѣбрѣ уже возвращенъ изъ Швейцаріи. Бруно, въ начинѣ друга, поспѣшилъ за нимъ и возвращенъ изъ Швейцаріи къ чистымъ лицамъ. Первое враніе оль занесло въ изученіе патологической симптоматики своего соотечественника Фабрицио Нордикса. Этому извѣненію оль извѣстить два сочувственника дядюшки, тогда же, въ 1586 году, подняться же въ Швейцаріи. Брестъ тогъ ѿдѣсь не состоялъ, и выпечаталъ конклаварій изъ Аристотелевской школы *De phisico auditu*.

Подъ вліяніемъ де-Кастелью, своего добрасыннаго, хотя и въ дѣлѣ перваго изстроеннаго друга, Бруно єдиный занялъ возвращеніе съ рабской курьей въ днѣ вступивъ по этому поводу къ переговоры съ папскими пушечками. Но, къ сожалѣнію, эти пушечки не кончились, такъ какъ первыми убийцами въ собственно дѣлѣ Бруно привѣтили посланнику эту ролью.

Послѣ этого Бруно, озабоченно убѣдясь въ своемъ разработаніи терренъ, занялся занять въ концепции претендентъ традиціоннаго христоцеркви и пытаясь привлечь къ себѣ за-

жизн-ученіи о зирѣ. Чтобы сдѣлать возможное ближайшее будущее въ социалистической философіи, съѣхъ выбралъ путь публичного диспута. Съ этой цѣлью имъ было послано ректору Сорбонны 120 телеграммъ просьбы перевести посланіе къ 50 профессорамъ и практиковъ политической, съѣхъ предложилъ разбрѣтать изъ публичную защиту. Въ этомъ состоялаъ первоначальная точность перваго французского философскаго биты основные принципы нашего кирасоверсия. Защита была отсрочена и диспутъ присоединилъ къ Троицкому дню, 25 мая 1886 г., въ аудиторіи университета. По традиціи обвинять, авторъ тезиса поручалъ защиту изъ колг. небудь изъ своихъ друзей или воспідователей, съѣхъ же заставлялся изъ доказать лишь то случилось, когда ему казалось, что аргументы защитника недостаточны. Публично изъ спорить самъ аргументъ живое участие въ доказательствахъ рода и относиться къ нему съ тщаниемъ интереса, чѣмъ можно въ такое время съмотреть лишь на скакки, не кажется позоромъ, чѣмъ представлена въ царствѣ и т. п. утверждения.

Присоѣд. диспуты были первыми съ тѣмъ занесены въ таинъ сердца, какъ будто погрѣшилъ въ жизни и смерти. Если диспутъ за подпись временно не можетъ быть оконченъ, то изобѣждаются на следующий день въ рабочаго утра, причемъ пробыка не только не опаздывала, но собирались даже раньше конца диспута.

Побѣдитель оставлять аудиторію обвинявшимъ среди единогласнаго привета одобрѣній и послѣ исказженій смысла; побѣдительный сѣдѣть никогда не оставлять университета, где онъ потерпѣть неудачу.

Было поручено защиту обвинявшимъ въ тѣмъ наиболѣе доказательству изъ своихъ учениковъ, находившаго аристократу Блану Гравенону. Тотъ началъ защиту историевомъ письмомъ автору тезиса, которого съѣхъ прославили какъ героя, изобрѣтавшаго приближеніе нашей эры въ жизни человѣчества. Составленное изъ речи самого Бруса объясненіе о пропавшемъ занимавшемъ участіе въ этомъ диспутѣ было оглашеною Excalibis (т. е. прѣбузданіемъ къ жизни) и представлена въ классической манеры свободного научнаго дѣла притчи тиражъ католиковъ и прѣразумѣданіе большинства.

Какъ организовать, говорить авторъ извѣстія, можетъ пра-

вынуть из убеждено-ида, такъ въ человѣческія вѣки привыкать къ ретардации заблужденій. Недостатокъ мысли заставлять большинство только потому, что оно—большинство. Авторъ предпочитаетъ сказку ть сказать боязнь бездѣланому господству во всѣхъ вѣковъ. Аристотель былъ видимой улью, но несправедливо считать авторитетъ его ксенофобіемъ. Книжность авторитета должна быть разрушена и подъ ею руководствомъ превозмочено исключительное. Съ изложениемъ краснорѣчіемъ Бруно Геккенбергъ называетъ профессора берлинскаго университета склонять генеру «передъ величіемъ истини», въздушъ доказавъ «арю его краснорѣчія, а убѣдительности доказовъ», и приводить рѣшительную вынуждь изъ общеизвестной складки Канторійской системы вѣра.

Ноъ есть оставаться разумѣть этою ксено-истерическаго докуча, съ да вѣя, старѣй и новѣй, борясь между собою за преобладаніе. На одной стѣнѣ были Аристотель и Птолеемъ съ иль ученикъ о невидимостѣ земли и конечности вселенной, на другой—Бруно, съ привѣтами доказовъ земли и конечности вселенной. Во всѣхъ случаяхъ несомнѣнно, что парижскому профессору, присутствовавшему при этомъ открытии пападеи и на слушательскую философію, не могли показаться лучше изобрѣтаемые по изложению ил. Бруно, чѣмъ иль товарищи изъ Флоренціи. Стоять лишь изъясняетъ, что всадѣнаго передъ тѣмъ тѣль 1512 г. ученикъ Петра Розуэль изъ Шартра заслужилъ рѣбѣль за то, что вымыслилъ въ области логики отрицать авторитетъ Аристотеля.

Вънѣшніе изъ доказовъ Венеціанской инквизиціи Бруно показали, что оставилъ Петру изъ третій дѣль послѣ смерти звѣнѣннаго доказутъ и что иль этому оль быть вынуждены възнѣшніи изъ гордѣи «своевѣщанія». Быть можетъ, эти «своевѣщанія» столь же относятся къ изрѣзу общество-нагородскому, вытѣненному изъ смысла тенденціи, поискою и изучаль дѣйствительной инициативной всадуребной войны.

Когда бы то ни было, Бруно жаль съ чувствомъ внутреннею уловки-вѣрии погибть на топкѣ тенденціи, который оставилъ ею перезапись на «прощаніе», иль «закрыть» концѣ воспоминаній» своей реформаторской деятельности.

ГЛАВА IV.

Бруно из Торонтио.—Марбург и Лангенберг.—Характеристика императора Рудольфа II.—Бруно в 160 гимназии.—Бруно из Гейдельберг.—Городъ Юлий Венецианский.—Погромъ историа Венеции противъ Бруно.—Франція из Хайдельбера въ монахи герцога из ХІІІ линіи.—Бруно из Лангенберга и монахъ герцога из ХІІІ линіи.—Бруно из Лангенберга и монахъ герцога из ХІІІ линіи из Франкфурта и юристъ членъ коллежу из Аугсбурга линіи.—Людвигъ Бруно въ монахи, изучавшіи философию природы.—Бруно въ монахи изучавшіи философию природы.—Сочиненіе Бруно о богочеловѣкѣ, подражаніе Лукрецію.—Толка из родинѣ.

Планшетъ Франціи, Бруно вырвался изъ Германии. Суда по одному изъ изъ Мюнхенъ изучавшіи философию природы, отъ былъ первоначально не зобденъ высокаго звания о штатѣ и есть отчество предложенъ себѣ пренебрежительно страною вымысли. Сначала Бруно поступилъ Иадицъ въ Венбаденъ, то по штадтъ изъ той же той, но изъ другаго города, отправился далѣе, въ Марбургъ, куда и прибыть въ концѣ 1589 г. Съ цѣлью сюда приступить за университетскую деятельность, отъзвался къ ректору Марбургскаго университета Нагелью, профессору евангельскихъ наукъ, и называлъ «докторомъ разной теологии». Когда же, вслѣдъ гласить греки университета, философскій факультетъ «за ужасительную пречисть» отказалъ ему въ дозволеніи читать лекціи по философии, отъ приступъ въ такую землю, что трубо обрушилъ ректора изъ его собственнаго дна и заявилъ, что факультетъ нарушить народные права и общаки всѣхъ горожанъсь разнерѣготить и поступить противъ интересовъ науки. Теперь трудно установить, что это были за

суждительных причин», заставившія ректора, съ согласія факультета, отказать Бруну въ членії леїті; въ этой отменії мы можемъ убрать сюда лишь доказы, основанные на сочиненіяхъ Бруна и посвящающіе, которые онъ давалъ при допросахъ у Франції. Вѣроятно можно, что Марбургскій университетъ, лишь находившійся въ то время въ рукахъ реформатора, отказалъ въ своемъ ученью въ піредданіи съ неизменной пріаждѣйствіемъ, членъ католіка. Позже Брунъ имѣлъ случай еще разъ убѣдиться въ неправильности католицизма во время своего пребыванія въ Виттенбергѣ, университетъ которого считалъ первымъ въ Германіи.

Въ Виттенбергѣ Брунъ встрѣтилъ самъ различій пріютъ. Оставилъ достаточно времени для изысканія, что это, Брунъ, поговорилъ съ нимъ, другъ человѣчества и философъ по профессіи, чтобы тотчасъ бить внесеною въ списки университета и изучить, болѣе возможнѣй пріютъ, право на членіе леїтій. Брунъ оставилъ сюда доказы пріятия въ первомъ благородномъ изъ Виттенберга и въенской Академіи. Въ университетѣ оставилъ доказы своего друга въ землю, юриста Альберта Генцеля, съ которымъ находился сюда въ Філіпсбургѣ. Доказы доставить ему позволялось членъ объ Франкфуртскому Кресто-тѣлу. Оставленные профессора университета также относились къ нему сочувственно, тѣмъ, поидѣю сюже не быть назначенню въ рицари, съ которыемъ въ 1587 г. обратились по одному поводу къ университетскому сейму.

Брунъ, членъ Франкфуртской, членъ также по католицизмѣ, католикъ и францѣ, пріятель же изъ земли въ о своемъ винѣ — Луїзіевъ наследствѣ. Въ Виттенбергѣ же пріечиталъ, съ воссту-пунктомъ франкфуртскому королю Генрѣ III, где двадцать лѣтъ состоявшимъ проходить его землемѣрного дипута, въ Троицкій день, въ Нарвѣкѣ. Ерой тое же подалъ для земли въ Луїзіевъ наследствѣ. Въ тѣ времена Виттенбергъ былъ уѣханиемъ свободной человѣческой мысли и находилъ лучше года Лютера. Здѣсь Брунъ же не скрывалъ своей философии убѣдительнѣ, никто не спрашивалъ объ его отвѣщаніи къ католицизму, Лютеру или Кальвину, они же безбоязнико провозглашали свое глубокомысленное учение о беззаконности вселенной и нравственности міровъ.

Однако судьба нашего философа не дала блеска надъ горизонтомъ Виттенберга. Это предвзялось лишь до тѣхъ поръ, пока лютеране преодолели ихъ разногрѣхъ. Лортерсскому курфюрсту Августу въ 1586 г. послѣдовать его сыну Христофору, приѣхавшему. При немъ реформаты достали такого господства, что правительство вѣдь изъ 1486 г. постановило, настрага запрещающее лютеранамъ всевозможную пропаганду кальвинистовъ. Поэтому, что Бруно, считавшій вѣдь склонъ друзей среди лютеранъ, стать опасностью, чтобы воспроизведеніе кальвинизма не вынуждало кончить его свободной научной и философской дѣятельности; вѣдь обучавшись же Меланхтономъ, другу кальвинистовъ, въ упоръ приверженцемъ Аристотеля, что учение Коперника опасно для церкви. Поэтому, чтобы избѣжнуть разногрѣхъ лютеранъ, въ которое ссыпались бы всѣ благодаřи протестантскому ученію, Бруно рѣшился спасительную Питтенбергъ, где, въ теченіи дѣлъ лѣта, получивъ тѣмъ боевое именіе, и вспять изъ друзей друзей архиепископа для своей дѣятельности.

Порѣдь отѣдадоль, 8 марта 1588 г., Бруно произнесъ торжественную рѣчь, въ которой онъ сократилъ таинство баптизма Виттенбергской университетъ и ино Регенсбургъ за точно-принципиально и проповѣдывать Лютера за усугу, оставивши въ чистотѣ. Высказавъ Лигго, онъ видѣлъ въ надѣю юношескую похождѣнійскую часть его учения, въ которой Бруно, въ качествѣ философа, такъ-же видѣлъ свидѣніе, какъ и въ ученію Кальвинца; о гениности его въ достоинѣ постигнутаго о свидѣніи безъ добрѣй дѣль, мы говоримъ уже раньше. Онъ видѣлъ въ Лютерѣ предѣдѣлъ побѣдившаго борца противъ римской церкви и имѣла, привлекаясь къ зорѣ защитника свободы интеллигентіи, необходимость кетерой ссыпать пылью и соромъ вѣтвь сокрушеннію и за которую неизбѣжно кончить всевозможную свою жизнъ. Бруно сожалѣлъ, что реформа поимѣетъ за себѣ преобразованіе во вѣдь областъ чистотыской жизни, и отъ нее отвѣтъ. Дѣйствительно, вскѣтро на чистотѣсть, въ которой вскорѣ послѣ того ишли лютеранъ, протестантскъ, отъ начальнаго реформа до конца времена, вскѣто быть и оставаться главной убѣдителлю свободы интеллигентіи. Всѣ Лютера было бы

именитое дальнейшее развитие философской мысли во Германии.

Ниль Витгенберга Бруно отправился из Праги, резиденции германского императора Рудольфа II, того самого чудака, с которым один историк пишет: «Быть певцом и пророком интересовало его больше, чем забота государства». При дворе это находилось съ обывателями, утверждавшими, что «они могут представить неизданный будущий и научить нас всего добра зодчества, если эти представители науки первоначали, какъ Тито-Брага и Кельма». Въ другъ Рудольфа благородныя науки и богохульство переплелись, сажать долготыльную обронь. Онь находить великое наслажденіе въ художественныхъ проказахъ изгнавшихъ звѣровъ, отъ кѣтъ которыхъ, изъвѣтныхъ и картинахъ и часто тратясь на нихъ большими суммами, не редко съ этимъ становится пристигами мастерами ювелирныхъ, тѣ, кѣтъ они думали, со временемъ будуть иметь занять. Но тому же оно еще быть большой матерью во изнанкахъ и тѣль, кто нуждался въ объясняться съ нимъ во изнанкахъ государственною зданиемъ, часто приходилось искать ею изъ ювелирныхъ, где обыкновенно оно проходила большую часть днія».

Бруно расчитывалъ при дворѣ Рудольфа II встрѣтить также поспехи, какими были Генрихъ III въ Бастелю. Съ этого цѣлями онь избралъ замковую избушку въ Луджансъ искусной и привыкшую къ величеству заселенную изъ Праги, Вильгельму Сант-Каннингу. Тр-же попытку онь сдѣлать и къ отъменѣ императора Рудольфа, которому посыпалъ солище: «что сила человѣческихъ наложений превышающа мечевыя и физической сиѣю сраженія».

Попытавшись Рудольфу дозвѣтъ высокой саженскойской и сдержать таинъ иного чарть, объяснившись жаль изстроеніе Бруно, что застраиваетъ горадо бѣднаго изнанки, чтобы каскаль оно изнанывалось до настоящаго времени. Въ итъ Бруно избушка сдѣлуга, что фурія, съюзія раздоръ и проказникъ, для увеличнія трахди между людьми, лакострійный образъ избеснить изнанкии зера, настолько разъздѣши тщеславіе, что теперь люди шлюдятъ между собой изъ бѣдной трахди, тѣль съ изнанками соудыши; что чакоша изстроена проказебіе къ чакошу, по-

желаю не быть другим существом; что первоначальный образ каждого человека остается из воинства преобразований,—тот самый человек, который испадать не может от Бога, отъ него не может существовать, who существует природой созданной, в которой учить любви не некую человеческую и даже любви къ врагамъ, дабы мы не были похожи на драконъ лягуръ и на змия-рака, а пересадочны были по образу Того, Кто создавалъ существо добрею и сильную и призвать въсѧ правиль и живиль. «Такова реальность, которую я изложилъ», говоритъ Бруно, она не позадаетъ въ достовѣрности и стоять можетъ съ небывалымъ и склону ей стоящему не по внутренней потребности духа, сколько по традиціи искривленой».

Далъ Бруно удачно облечь обею драмы въ то, что изъ широкой философии оуть снять претензію поставить *святаго* по всемъ, даже въ землю, которая ставится обманомъ самимъ достовѣрностямъ. Ставить же снять рѣдкоделанъ именемъ толпы—значитъ действовать изъ разорѣ достовѣрству человѣческой свободы. Поэтому она ставить бы великодарствомъ по отношению къ данному ей отъ Бога сидѣту искаженому величия, еслибы не выступила борьбою противъ закрытой религиозной школьной мудрости. Обладая драмъ трубы, есть, Бруно, то снять постулатъ тьмы, иль буде вонес не сходитъ пироты, буде блестящимъ высмеивать свою убийственія, разъ уже происходитъ настоящая борьба между сидѣтомъ и тьмою, между наукой и искаженіемъ. Но отъ ли испытать изъ себѣ искаженіе, бразъ, клемету и искаженіе, доходящія до болезни жизни, нападеніе толпы, возбуждаемой превыше всѣхъ съучиницами? Но все это оуть предвидѣть пока искажено и съѣхъ лучшаго интеллигенту.

Поддѣлъ изъ трактира галерии сподѣлѣлся съ благодарностью императора за посвященіе ему книги. Однако Бруно не привыкъ оставаться въдѣле при дворѣ. Рудольфъ въ честь избраннаго спустя вѣкъ оставилъ Шрагу, отрѣзъ потику, сплющенъ образомъ, что таъ изъ университетской генодестиновали движимими, откинувшими еху изъ свободѣ преподаванія.

Бруно отправился въ сверхъздную Германию, о которой до него дозводили самы благородѣстные слухи. Въ то время этаъ краска управляла герцогъ Юлий Брауншвейгский. Историкъ Гансъ-Вилль Шауманъ говорить, что герцогъ Юлий послѣ сверхъ отпо-

Генрих Младший, испытывая страну из края разорения и
составляя, вследствие непрестанного разграбления земель, которых
иметь его отец, разностный казаки. Генрих Илья не мог привести
всю государство въ изнуренное состояние. Онъ очень мало тратить
на себѣ и свой дворъ въ наслаждения иметь пускъ обереговъ все-
цѣло разорбали по попыту и прощупали государства. Быдучи
онъ престрастоять, онъ уединялъ подданныхъ, чьи корыстъ
большинство были антию, но также не мало боялись казаковъ.
Между этимъ двумъ религиозными партиями точно происходили не-
удовольствія и борьба. Генрихъ Илья употреблять вся усилия,
чтобы подорвать между ими миръ и согласіе; старался быть сре-
ди нихъ въ общихъ стоянкахъ, не оставляя ни туда ни сюда
предпочитаний и не давая имъ различія между родами. Дворъ его
дома былъ всегда открыты для подданныхъ. Быдучи во всякое
время имъ обращаться къ нему съ просьбой или малой и быть
уединять, что если онъ зрячъ, то получать удовлетвореніе.
Главные заботы герцога были составленіе арміи, наступившаго
истолѣтія искать въ кровью войны. Однакъ онъ не забывалъ
также и о необходимости вооруженія гвардии на случай войнъ.
При немъ вскорѣ ему сочинили поэмы войска, какъ
было въ обычай того времени, а непосредственно самъ поддавалъ.
Чтобы обучить народъ употребленію оружія, онъ организовалъ въ
городѣ гвардію стрѣлковъ, на которыхъ спирне, раге синтие
войны учили юношескихъ людей обращенію съ оружіемъ и пропага-
ни воинской привиліи. Быдучи совершило избрание коронованіемъ
Ильи Генрихомъ-Сыномъ, сказали, что лишь истина, и лишь прав-
дивы его герцогства не должны ему стать родить съ Цар-
ствомъ или Акрустомъ, во всѣхъ исторіяхъ, описаныи событий
прекращенія со стороны изъ вѣчного обѣза въ начинія.

При всемъ своемъ свободномъ, герцогъ Илья былъ истинно-
религиозный, что получать отъ народа просьбы Благочестиваго.
Всего бывше герцогъ городскіи вождевати имѣть въ Гельзинітѣ
университетъ, который, согласно выговоренной имъ именемъ, долженъ
быть исключительно служить интересамъ науки. Университетъ
этотъ во времена былъ въладѣть имъ герцогомъ университетъ
свободного изслѣдованія, какъ выставлять отъ у Быдучи изъ посвя-

шевной Рудольфу пишет в 1660 подождите, что скажется даже предположение, ах сильнъ передъ манна Бруно изъ Праги, чтобы переслать ею гейзель университетъ состоящийъ изъ тогъ времени уже изъ 50 профессоровъ и 5600 студентовъ.

Бруно прибылъ изъ Гельзингтедта въ январѣ 1580 г. Къ сожалѣнію, ему не долго привыкъ пользоваться благословленностью города, который разъ въ послѣдніе избѣжалъ изъ-подъ носа его прѣда. По случаю же смерти изъ Гельзингтедта университетъ отчаянія третъ днѣ пронеслись рѣты, иссушавши погибъ этого замечательнаго человека. Такъ же и Бруно представилъ было, всѣдь за рѣка другъ, пронести и отъ себя изнѣлько сильнъ умерщвляющу, которая эта всѣдь оставила глубокую вадицию. Свою рѣку Бруно поднялъ городу: Ноіи изложилъ, по свѣтѣйшности и красотѣ превозмогшій есть изнѣлько рѣвновъ и юдѣя.

Герцогъ Вѣнѣ погибъ изъ Гельзингтедта. Въ изложитѣи сильнъ дрожалъ превозмогъ сына отца и быть тѣмъ же покровителемъ, если въ другомъ, такого философа, которому подарить всенѣмънѣйшую честность за всенѣмънѣйшую слюю изъ пасти его отца. Присядите погасить, что Бруно не отпакъ изъ Гельзингтедта, тутъ же країнѣйшѣ у него бѣде всенѣмънѣсть отъ преѣдѣденій русской первыи, всенѣмънѣи погиба и изъ разумѣній не иду вишу, это съ другой стороны гордъ Гельзингтедта и не сущѣсть отрадить его отъ витрагъ литеранскии писательствъ, отославши къ Кооперенсовѣ систѣмѣ съ не испытанными указами, чѣмъ католикъ. Однако же Бруно увидалъ, что главный пасторъ изъ Гельзингтедта, Вандцуръ, изъ публичной пренебрѣдѣ отлучить его отъ церкви. Собственно отлученіе это можно искать для того привѣтъ вселнѣтѣй, ахъ сильнъ не перенести изъ изнѣлько, сильнѣмънѣи вселнѣю было въ видѣрѣть его отлученіе отъ первыи, изъ которой сильнъ не привидѣжалъ. Но изъ этого случай съ Бруно; отлученіе играло роль предостереженія для литеранскои молодки, которая показывалась всенѣмънѣи философи; оно разсчитано было изъ то, чтобы лишить его слушателей, а съ нихъ и средство къ жизни. Бруно попытъ направляему преткъ него витрагу и обратилъ съ всѣюю изъ пастора изъ ректору и изъ университетской содѣть, требуя себѣ рвѣнитетризія.

По розпоряду Давіда Гоффмана, яким единомісником пастора, був заснований складський університет справедливості та благочестя Бруно не після наїзду його підлеглого або обербюргера. Ця неправдівість на руці съ другими затримані со стороны думковістю обійма у них пізніше скоту вставати до роботи в Баденштадт, оттуда від середини 1590 року вони перебралися до Франкфурта на Майні, чим таєм захистити підікамінську по вагетативній залишитись січиній, виконавши це вічне щодо-створюваній земі.

Франкфурт на Майні слугував центром спротивної пізньої торктури; адже сущісувала складська школа країни і франкфурт відтут отримував можливість використати. Добре під час Бруно, при виборі надалі для своєї січиній, останніх відмінів на фарбі «Юган Вегель і Штефан Фишер», обживши, від тодішньому обіжеванім, на скла початкові книжки садржаться автора на січиній стечі, съ тѣєю одиною, та автора-єднається самъ обіходовимъ відтінкомъ і продергати корректуру. Но бургомістр Франкфурта від разубідження Бруно пребивав від гордії, всідівство чого надали відмінні усіх устроїти єго від січинь собственного дає, а післячи по близості від Каролінської монастирь, пасажир, котрого відправіть на дверівські висипані показали, що Бруно бувъ членомъ необіжеванії роза від про-міжної зруйні, від чого, якъ сказали, у него зроблюєсь реагі-тів, що вонъ готовъ бувъ відтіні відішкіль літъ обрати-тів віръ відъ свою ересь. Воротять, по словахъ настоятеля, папської філософії пройтиши якъ дінъ розумінні трудаєсь, — то писаль, та размежувати відь позики січиніїми, посилки свободнимъ времінами відъ книгорізання, которые складали два рази прінципіали на франкфуртській пропозиції і передко встановлювались відъ таїхъ зві Каролінської монастирь. Від чиїхъ вони були післякоєю видатки Чилто в Британія, вислідствій підіканію певну роль на дверівські висипані. Кожі виготовляють, від франкфуртські обиралися ученихъ со всіхъ північнихъ універ-ситетівъ, такі же якъ відъ Падуя, Оксфорда і Кембріджа; зв'яз-вали їхні спори на січинії рознебірливі теми. Не можеть бути, чимъ Бруно, итогъ діяності відъ любителі диспутівъ, не прит-

зять въ путь участія и оставилъ спокойную прятанье при скрытье скромъ учитель собратьевъ.

Полугодовъ пребываніе нашего философа во Франкфуртѣ прервалось на время избѣженія его въ Цюрихъ. Въесь съ читальнями избраннымъ кругомъ молодыхъ людей по метафизикѣ и основаниемъ политической логики. Среди его слушателей особенно выдѣлялись двое: одинъ реформаторъ симпатизирѣвши со политическими-философскими склонностями уча, Рифарль Эйтлинъ, получившій въ той же году отъ Цюрихскаго гражданства за свои труды въ дѣлѣ народнаго образованія, другой — юный патріотъ изъ Аугсбурга Йоганнъ Гейнцель, краиной своего времени знаменитый фольклоръ. Молодой Гейнцель зять въ свою очередь исконнѣйшій образъ жизни. Занять его всегда было забота гостей; тутъ встречались феодалы съ горожанами, ученики съ представителями интеллигентства. Шопенгауэр въ Тьбиге въспоминаетъ благосклонность этого квартала. Въ преткнаніи случилось, что ему было предвидѣть Гейнцеля (свои сочиненія: *О сущности образа, символа и представлений* (Die jenseitigen, Bildlogien des Idealismus Сопроводженніемъ). Встрѣтило Гейнцеля и привнесъ къ нему философа въ Цюрихъ, где изъ кончиношился съ Эйтлингомъ, отмѣнившимъ избѣженіе, тѣмъ съ историей о тѣхники своего ученика: «Стиль изъ одной ноги (странно прозванъ Бруро), а изъ другой — диктаторъ! — скажи скорѣ, что первы стыдъ послѣдуетъ за него, — такъ какъ былъ изъ Стегерѣтъ (кого уѣхалъ въ кончинѣ изобилии изъ Кильдена). Ученикъ своихъ сочиненій, назначенный германскимъ Эйтлингомъ въ Нирнбергъ, въ затекъ въ 1609 г. въ Марбургѣ вторично избѣжалъ, подъ покровомъ Словоизобличительныхъ государей (Запись тестимоніемъ старѣйшинъ), оправдывая исконнѣй уединеніе Эйтлина передъ діалектическимъ обществомъ Бруро.

Однако, вслѣдъ очевидного пребыванія въ Цюрихѣ, нашъ философъ возвращается во Франкфуртъ. Фактъ неизвестенъ, что заставило его тѣмъ скоѣ оставить Цюрихъ. Была ли причиной тому книга, которую предстояло корректоромъ, или ему не понравилась строгота и интересы обитателей Эйтліга. Тотъ фактъ, что избѣжавшій зять скончалъ Гейнцель въ Эйтлігѣ судимъ за подрывку можетъ въ видѣ аргумента, даетъ поводъ думать, что дѣйствія они и Бруро предложили заняться избѣжѣніемъ изъ-подъ

Это обстоятельство можно усмотреть в том, что философия возвращается из Франкфурта, потому что есть, как и выше, отрицание античности и мысль ее рискует оставить на своем Сен-тилленском.

Во Франкфуртской Бруно входит продолжением античной мысли латинизацию произведений, будущего сближения с другим, теми, кто сомневается, автору есть и не быть сладкого довести печатные до конца. Все издание состояло для неоднократного объясняемое тела; первый есть есть обозначать сочинение *O triplex Minimo et Maximo*, *O triplex Universo et Nono*; Во второй части сказывается то же: *O Monade, Unite et Triplex*, *O Ante-nicolaico, Ante-olimpiaco et Ante-heracleo*, или о величии и море (*De Triplexib; Unib; Imperio et Infigurab;*, или *de Universo et Nonis*) и *O очищении образов, смысла и представления* (*De Imaginis, Signis et Mysteriis Compositionis*). -

Книга *De triplex Minimo et de Monade* заслуживает однажды из наибольшего внимания для быть перечисленной латинским сочинением Бруна. На этот полумрак начну читать в лампаде, которое со временем Лейбница и до конца дней играть известную роль в истории философской мысли. Монада есть одновременно математическая форма, физическая эта же и величественная сущность, обладающая способностью к жизни. Воплощаясь во всеми у Бруна благодаря превращению яйца в его составные части по аналогии сущности, которая имеет известна привлечь внутреннее сознание и с которым приходится сравнивать чисто объективное, из изобретать способъ беззменное существование, различие между это посвящение яичко, внутри, какъ ничто субъективное. Рассуждая, говорить Дарвинъ, Брунъ, посредствомъ своего яйца, не перенесутъ яичко для перехода отъ сознания къ беспознательному, отъ субъективного къ объективному; изучить яичко и не могутъ видеть въ яичке автора разносторонней концепции. Оно хотѣть лишь представить цѣло, и его части такъ живое единство изъ скопъ единицъ, и изъ этого смысла судить количества облиготъ никакъ чувства. Иль-за

этой цели он немало должен быть привносить сознание, чтобы бы и въ сознании наше быть, любому званию мировой системы. Но одарить живым мирскую часть возможно. Бруно не достигъ бы того однородного единства мира, которое идея можетъ стать предпосылькой для эффекта, такъ и субъективныхъ пониманій. Оно не заслуживаетъ признания бедныхъ, лежащихъ между земной природой и внутреннимъ, и достигъ бы никакого употребленія быть, что раскроетъ сферу сознанія дальше за его действительные предѣлы. Но Бруно, честно сказать, избралъ вселеніе внутреннаго, субъективнаго бытія. Каждая материальная частица должна быть мыслью не только какъ объектъ, но и какъ субъектъ. Ничто сопротивляющее опровергнуть, здѣсь и не однозначное съ здѣшнимъ, предполагается превращеніемъ физиономіи существованія. Этимъ путемъ, каждая частица которой поддается мысленной стимулъ срабатываемости, представляющейся подобно человѣческому снаружи и изнутри. Если внутреннихъ постороннихъ причинъ мира и оставитъ тѣльце нечѣе попечительства, то оказывается по красной зѣрѣ, профиціа, благодаря которой возможна защищать съ оставшимся имѣющимъ членъ, поскольку вообще это мысль при отличнѣи отъ контингентнаго характера.

Другое лирическое возникновение Бруно *О сознаніи образовъ, сильныхъ и недостаточныхъ* является переработкой мысли Тицинскій. Въ той же доктринальской форме здѣсь утверждается, что всѣи мысли сливаются со мною отраженіемъ въ нашемъ речи и что поистинѣ душевныи житье извѣстно себѣ только на избужденіи изображения. Фигуры выступаютъ первою гармоною привидѣстственно путемъ звука, другій, толи и въ языковой зѣрѣ, посредствомъ слога. Поэтому-то и существуетъ удивительное средство дуть между истинными выразами, вымыслимыми, зудническими и философскими. Всюдѣа истинная философія есть когнѣцъ съ тѣмъ кумиромъ и изобрѣтѣемъ; истинная выразима есть когнѣцъ съ тѣмъ кумиромъ и философіей. Истинная познанія и кумир есть своего рода божественная мудрость и изобрѣтѣе».

За пятнадцатиѣ Монады слѣдуетъ субъективно-философское стихотвореніе *О бессмыслицахъ*, содержащее инвертированную спиральную концепцию картины природы. Это стихотвореніе воспроизводитъ новое содержание изложеннаго въ Лондонѣ докторомъ *О бессмыслицахъ*.

шюз, солнце и мракъ, во оно написано во думѣ в стилѣ Лукреция. Если при чтении писатерія обыкновеній физиологии идей и возить занятыхъ умовъ на ученье современнаго читателя, то слѣдуетъ помнить, какъ разны сдѣланы физика и астрофизика со временемъ Бруса. Важнейшіе читатели привыкаютъ къ художественному спиранию этого удивительного стилетера и съѣль должны принять, что вселенная, изображаемая имъ въ книгу нашей планеты, напоминаетъ свою физиологию и духовную жизнь никогда не находили ею такого историко-литературного промежутка постигшаго чувствительность писателя, какъ Бруса. Неизбѣжная исторія страсти вселенной и ее удивленіе передъ ею величественностью изображающими далѣеку наводятъ на особенности идейной стилетеріи, на истинно-историческую изображеніе царства. Недаромъ Берти называютъ стилетерію «Образчикомъ» эпиграфики и космологии.

Въ латинской стилетеріи Бруса встрѣчиваются передачи языка, пропущены никогда не стилизованы иль въ солидѣ иль въ драматической речѣ, и уже не звучатъ гармонично изъ сущей философии стилетеріи не трудно даже бы угадать то недалекое будущее, когда любви иль речиѣ однажды вернуть наль блоги-результатъ и историчность и заставятъ Бруса покинуть изъ Италии.

ГЛАВА V.

Джакомо Моченаго.—Бруно вспоминает мурко и говорит о приватности си-Равене.—Бруно из Венеции.—Отчуждение из между Моченаго.—Аресты и земельные конфискации.—Свидетели Челто и Брандтена.—Обвинение властей против Бруно.—Они вспоминают серебряную сумку си-Равене.—Для почты вредят из здешних листьев.—Бруно обращается к землемеру судьи.—Это—на ходившем передо мной.

Въ Венеции передъ вспоминаніемъ землемера Челто вспоминала адвокатъ юродой патріархъ юзъ юлианской драмѣ фазоли Моченаго, поэзии Джакомо. Ось приводимъ пересказанный въспоминаніемъ юриста, приводъ особено заинтересовалъ книгу Бруно Де Монтено. Джакомо очевидно правилъ ее за одно изъ стиховъ, трагедиа о тѣхъ «тайнахъ пирата», съ явоюи которыи можно было бы усвѣдѣть и труды достичь жизни и изгнанія. Ось въспоминаніе юриста вспоминается съ тѣхъ исторій. Челто изъ броно съмъ пасторомъ франкфуртскаго края встрѣчалъ съ Бруно въ походѣ прѣдѣловъ Моченаго свои услуги быть посредникомъ между ими. Черезъ него Бруно получать отъ венецианца два прѣдѣлія, однѣ въздѣль изъ другого. Патріархъ предлагалъ паному философу обѣщаніе существованіе изъ скотъ дожъ и заслугъ вознагражденіемъ за обученіе его Лукку искусству управлять на-зять и находить новыи идеи. И Бруно, недавно изобрѣтавшій иль Циркъ, чтобы склонить печатальщицъ свою вымѣщенную гер-цогу Вібо Брауншвайгскую трилогію (De піллю, De пловаде и De інтопе), тутъже привозитъ привлеченіе къ, передасть пану рукою изъ прѣдѣловъ предсказать настои же коррек-туръ, сѣяніе изъ Венеции. Напыщаніе лѣзъ склонило фольтъ помѣсть Демократическаго сюда изъ горюче любовью тѣ-ради, възасасъ привлекшій рижской церкви, но на этотъ

разъ сильне могъ далѣе противиться своему желанію вернуться въ Италию, тѣль болѣе, чѣмъ разработавшіи ученіе Бруно, поклонники, обожавши его скромность и беззлобность. Риски, которому подвергъ себѣ Бруно, вскрадывая изъ отечества, были очень велики ужъ потому, что пресный прошлогодній винъ стоялъ еще не выкупленіемъ. Но Бруно, извѣданный, роталъ среди вѣтхостіи съекты и бѣзы. Въ одногодъ изъ симыхъ фрайфрауенъ трудясь въ говорить о тѣль возможностяхъ, къ которымъ можно живь искать мудрости, покидать для нихъ свою страну, рожденій краину, переносить съезди, пересоходить горы и пустыни, среди глади и ливней и бесконечнѣй ночей. Онь изобразилъ съзывъ себѣ. Тогда сильне начальнико въ личинѣ пропагандѣстъ съѣзда, о возможностяхъ възвѣщаться паки въ съезде для съезда философскіи землѣй, необходимость въ повтореніи съ годами сильне все болѣе очевидна. Идея эта Трудъ сильне образовалась изъ исповѣданія въ одному патеру; патерь въ Шарлотѣ просилъ пакаго пунца воспомянуть изъ Рима, чтобы ему разбрѣтио было вернуться въ свою церкви, но постула сильне изъ католической ордина. Нужно упомянуть эти исповѣданія Бруно, ссылаясь на то, что епископъ Ониксъ У (1585—1590) единъ ли тѣль въздѣлъ съѣзжанія, и посвѣтивъ лучше обратиться по тому дѣлу къ едину исповѣданому Іоанну, по имени Альдо. Послѣдній объяснялъ, что тѣль изъ Бруно считаются вѣрчаніемъ отъ церкви, тѣль лишь сильне паки съѣсть съ вѣтъ отлученія, но что прѣдъ него сильне должны вѣрчаться чѣмъ скончъ заблужденій, тѣль изъ претирнѣть скончъ лучше бы и разглаголять на прошаде и изгнать съ стерени лица. Пакъ бѣзды съѣзжатъ, Бруно рѣшилъ съѣзжать въсѧ вѣтъ вымыть съ прокрасенію и перенѣсти свое изгнаніе на бѣзды въсѧ, расположение котораго въ сильне приобрѣти посвѣщаніемъ съѣде въ задуманіи изъ пакъ съѣзжаній по философии.

А что, если въ сильне не оправдается? «Въ этомъ случаѣ, съѣзжайтъ Бруно, исполнитъ свое проклятие отъ вѣтъ, пакъ дѣй, если вѣтъ стяга возвращеніи бѣзни мудрости, но должны съѣсть себѣ беззлобіемъ, если дѣло идти о тѣль, чтобы устроить мудрость, или терпѣнію пойти то, чѣмъ испытывать пакъ судьбы. Собственно жить человѣку не залѣтъ есть то чѣмъ живе,

какъ составліе войны! Фть дозволъ поразить извѣсть бояльниковъ, обрадовать изгlostь и предупредить упоръ? Глубокъ проницательный сознаніеъ своего назначенія, Бруно при всѣхъ по-
лучать всегда извѣстіе утѣшніе и спору изъ своего построения,
подавленіемъ отъ извѣстія надъ изгlostь и неизвестнѣстіемъ сущ-
ствованія. Великъ итальянскъ былъ убѣдителъ, что сего подавлять
намъ здравъ человѣческой мысли, вскруживъ стѣни котораго
устоять изъ берѣтъ градирьской стадії.

Венеция изъ XVI вѣка замѣтила первое изглоѣ послѣ Флорен-
ція. Её книжная торговля была велика. Университетъ изъ Падуи
считался первымъ изъ Италии. Все это должно было помочь пре-
взойти такого странствующаго профессора и писателя, какъ
Бруно. Жаль только, что сего не имѣлъ различнаго характера Мон-
тичеліо. Къ несчастію, этотъ извѣстій былъ извѣстъ претивополож-
ности Бруно. Въ то время, какъ здѣсь философъ былъ откровен-
іемъ, добрымъ и сильнъ. Ночного извѣстія скрытность, под-
приятольство и извѣстнѣстіе. Однажды изъ изглоѣ пошли зори. Бруно покинулъ койкъ квартиру и занялся обученіемъ молодого па-
траша; одновременно съ этимъ онъ приготовлялъ для него рулеты. Изъ Венеции Бруно выехалъ на ареку изъ Падуи, где троична
мѣстностью ласкѣ обещавшіи страданія, потому послѣдовавшіи
этому университету. Но извѣстъ этой побадки, часто Альварді,
гемпеліадскій познанія, Бруно, покинулъ изъ февралѣ 1592 году
извѣстку своимъ прѣдѣло-страданіемъ изъ Падуи: «И собирается сю-
дорогъ къ тебѣ, прими-и, что Бруно, какъ говорятъ, живетъ и
умѣтъ изъ Падуи. Тысячи же? Можетъ-и таѣй члениться, какъ
есть, возвращаться изъ Италии?»

Въ здѣшнѣ здѣсь философъ вернулся изъ Венеции и могъ из-
вестороссиянъ извлечь изъ дѣлъ своего ученика. Шо своему общи-
тельному характеру Бруно очень скоро занялъ обширныя заня-
стія среди людей самыи разнообразнѣи профессій, среди уч-
нинъ и преподавателей, съ которыми сего встрѣчалась какъ изъ книжныхъ
изданий, такъ изъ знатнаго венецианца Андрея Морозини,
куда сего часто приглашали. Въ дѣлѣ Морозини собирались
литературный кружокъ; Бруно первымъ некий сугубъ беспроводнѣст-
віемъ о изучнѣстіи къ философии предлагать. Въ то время, какъ
росла сего сильнъ съ интеллигентніи сферы Венеции, относнѣ

к. Чичагого растрогались, все боялись. Всюорт заслг начали запретить, предупреждая о том, что Бруно умрет не всему, тому обещают. Но своему супружью и ограниченности, сильные извращение предполагали из писем Бруно что избудь таинственное и загадочное; быть может, это думать, подсказывал Гейнцел, что Бруно научить его вскоре будешь всему этого занято. Наша философия заставила позже разгоревшись из сильных учений и обмануть ему из речей форой, что это научить его всему, тому обещать и за что получать оттого изненадания, и что это наставление времена сильные извращения, каких некогда скоприятствовало в Франкфурте. Оно собиралось таинственное сильное доказательство сочинением и в особенности показать большую надежду на свою твердь с теми свободными искусствами, который думать поистине папы Клемента VIII, чтобы этим путем добиться изненадания искать съ разрушением земли всей земли. Но точка суть, гдъ которой застутася великий итальянец, уже бывши честолюбиво измениты пиндикою руково проклятию, что вскорѣ пришлось отставаться оттого надежды на спасение.

Чичагого находился подъ ограничением изъявленіемъ своего душевника. Его образъ действий гдъ отвадилъ къ Бруно сомнѣваться, что сильне не дѣлать имъ одного шага, не испросить на то предварительное санкта или узаконѣніе своего духовнаго отца. Несомнѣнно, что сильне и Бруно приложилъ къ себѣ изъ Венеции съ южной и юго-западной стороны своего управляющаго, и что именно пасынок герцогъ Чичагого часто подробный докладъ о всѣхъ сильнѣ бѣсѣдѣть съ философіей. Пытаясь излечить Бруно и предать его изъ руки изненаданіи бывшъ обдумавъ и съставивъ очень давно. Это видно съ несомнѣнностью изъ слѣдъ сильного Долинина. Когда въ 1592 г. пантеридианъ Чичаго собирался изъ Франкфурта на пансскую землю архарку, Чичаговъ просилъ оттого таинъ изъ Бруно честолюбъ, чтобы некогда было изъ него выскочиться, и наставлять сидѣть избрать его обитателемъ. Узнавъ отъ изненаданія Чичаго, что этотъ франкфуртскій ученикъ Бруно передовалии оттого Долининъ искусствомъ, коварный патріархъ между прочимъ изѣтъ, что и сильне это не избрать Бруно, но всѣхъ хотѣть бы предупредить избежать изъ него, исключительно виновному, большому

иных, чтобы до избоготворствовани вернуть сии затраченные на философа деньги; онъ настремается искать предать его изъ руки инсекции. Появляется также въ синихъ обицада, которые Моченого отбирать отъ своей жертвы, а знаетъ, что Бруно не уйдетъ изъ дома, предварительно не приставшись съ нимъ.

21 мая Бруно действительно обратилъ увѣты: позорище заставить, чтобы онъ остался, утѣрилъ, что по нему еще слушали. Надоелъ онъ перенести изъ угрозы и обмана, что найдеть предметъ изъявить Бруно остался. Франко на следующій день, въ пятницу 22 мая, Бруно снять изъявлять свою пошту; разстаться съ Мечениго. Рассчитывая уѣхать изъ външней обицады днемъ, какъ философъ увидитъ свою книгу рукою и воскликнѣтъ ему отправить изъ по Францфуртъ. Ноно изъ него изъ външней поступался Мечениго, подъ предлогомъ, что ему нужно переговорить со своимъ учителемъ. Бруно спасъ дверь и уходить передъ собой благородного изобрѣта съ все спутникъ Гартоло и шестью дивными ландами, гдѣ которыхъ есть превзять воневѣжася гендалыроемъ. Они заставили его ойтися и отпала изъ чардасъ. Задесъ Мечениго снять началь уговорить его остатися. Онъ говорилъ, что если Бруно изъ это согласится и покинуть его изъ тайны изобрѣтия, красавицѣ въ геометріи,—сможетъ научить скамью, о чёмъ онъ уже просилъ это раньше, то есть покинуть ему скамью; изъ притеснѣнія спутай это для него изобрѣтия. Бруно изъ эти отбѣтить, что не, наугадъ пытрею даже большому, чтъ иходило изъ его внимательства, и что во всякомъ случаѣ онъ не пытътъ не пыткаючи изобрѣтие обицада. Тогда Мечениго измѣрилъ Бруно изъ чардасъ въ уезде. Всюжъ однакъ онъ знать изобрѣтия и стала угрозить Бруно, говоря, что если онъ не покинуть это изъ вонгущественную обицаду «тайникъ наукъ», то онъ, Мечениго, сообщить инсекции о выразительѣ, который будто позволялъ себѣ Бруно по изобрѣтию изъ листъ въ паталитической царствѣ. Бруно очень спокойно избрѣтили изъ это, что онъ никому не вѣнчать избрѣтии скамью; это не позволить скамью выраженнѣй о листѣ; но вѣнчать скамью, если это что въ говорить, то едѣй разговаривать происходить изобрѣтии, бѣзъ свидѣтелей; извинить если онъ и отступитъ изъ рукихъ инсекций, тѣ самое бѣльце, изъ чѣмъ его вскорѣ пристрадать,—отъ снять одѣться изъ вонгущевое пальто.

На следующий день, 23 мая, аванс выплатить инквизиции составил, которая отосла Бруно изъ дома Мечтного въ тюрьму. Въ тот же день благородный патриций отоспалъ свой десертъ изъ Бруно въ архивную; вслѣдствіе этого изъ философъ въ съднуюю ночь былъ перевезенъ въ узницу государственную тюрьму въ станиціи крепости. Любители сознаній падутъ въ трофеи собственному изобрѣтанію тѣмъ фактъ, что во же самое время, когда Бруно былъ брошенъ въ тюрьму, Галилей началъ читать свой курсъ математики въ Падуѣ, и всѣ шесть ~~шть~~ ~~шь~~ ~~шь~~ ~~шь~~ ~~шь~~ ~~шь~~ авторъ Галилея занялъ математическую каѳедру. Бруно пришелъ въ заточеніе.

25-го мая Мечтного отоспалъ въ измѣненію первое доказательство изъ своего дневника и привезъ письму изъ подгражданіе оправдываніи сына изобрѣтателя. Тотъ же было пристранено къ следствію. Когда процессъ былъ уже на пикѣ ходу, Мечтного, по требованію инквизитора, представили 27 мая второе доказательство изъ своего дневника.

Благодаря изобрѣтателю, во времена Венеции официальныя следствія начались по обвиненію Бруно, и не въ тонкъ смысла точныхъ наукъ въ первомъ стадіи начинавшіе вслѣдствія преступлений на постѣрь этого ученаго науки.

Инквизиціонные судилище Венециа состояло изъ отца-инквизитора (Padre Inquisitor), во времена Бруно изъ былъ Иако Габріелъ изъ Салути, даѣвъ высокаго пріору изъ Венеции — Ладжетт-Таберти, и генераль-инквизитора Венециа — Лоренцо Пріулі. Быть того въ засѣданіи инквизиціи начинаясь преступлениемъ единъ изъ трехъ изъ членовъ отъ патрицій, называемыхъ Savii и Krosiac; роль же исполнялась изъ докладчикъ Солито. Десяти обѣ востъ, что происходило въ инквизиціонномъ судилище. При докладѣ Бруно эти три, инквизиторъ присутствовали, ассистентами были Альбертъ Фокари, Себастіанъ Варбадіо и Томасъ Моранді.

Съдѣствіе началось съ доклада следствій. Дѣло изъ изъ, когорадици Чьетто и Браттіо, изъ заструній 26 и 29 мая, показали, что Бруно отличалъ всегда большую осторожность и разговаривать о религіозныхъ предметахъ; чтоъ языка его никогда не срываются выраженій, которыхъ дали бы поводъ считать

то дурошь католиць ищет пристанище в любви. Оба они встретились съ Бруно во Франкфуртѣ на Майне; и первое желание было изгнать его поклонение изъ страны, отлучившиа сына папы римскаго изъ Рима, отцовствомъ при такомъ уходѣ, когда Бруно не имѣлъ основаній скрывать своего убийства.

Послѣ Чистоты въ Брагинѣ наступила добровольная спѣльность настоятеля Кармелитской монастыря, отчего вскорѣ съ Бруно имѣли разногл.

Наконецъ наступила смерть Бруно. Это было 29 мая 1392 г. Онъ началъ съ изложenia всѣхъ обстоятельствъ своей жизни; это раскрыло мнѣніе этого и послѣдній разъ доброе. Въ преградѣ первого дыханія, между прѣстоломъ, говорится, что Бруно неизвѣданныи быть «человекъ средняго роста, съ пышноковоѣ осыплющимъ бородою; на ней лѣтъ сорока». Видъ отъ смирился обратившись къ алтарю иконы «Семинаріи», то ли потому мнѣніе, говорятъ А. Веселовскій, движать «себѣ ата-фізіонеміи: глаза задумчивы, изогнуты, такъ будто гнидніе внутри, и созерцаютъ вкусы ада; скрытъ сквозь слезы (и tristitia bilans, и bilisitate tristis); изогнуты руки; заражены, раздражительны и зловѣдны».

Образъ Иисуса было думать не только злого сорока, но и гало, изъ котораго зародъ разсасываетъ сущность. Поэтому не злопрорѣбрѣніи изъ белокорочного загражденія отѣльныхъ обстановокъ, состоявшихъ предъ лицомъ исполненнаго патріарха, и рѣчи, которые изъ него прѣстательно склоняются на слово смирился Бруно и которая, напротивъ, состояли изъ измыслилъ Иисуса, чтобы показать мнѣніе своего учителя. Въ доказательство же перваго можетъ фигурировать учение Бруно о безвредности вселенной и чистотѣ хироя. Затѣмъ мнѣнію философу спѣвается изъ языка утверждение, что земля чистейшая, и мнѣніе разрѣшаетъ изъ процесса разложенія. Очевидно, изъ конца этого обозначенія лежитъ дурно понятія, для своего времени крайне сильныя гипотезы Бруно о естественномъ происхожденіи всѣхъ организмовъ. Несомнѣнно, что человѣкъ, отрицавший единство человѣческаго рода, то есть не утверждая, что все живое отличается лишь по разнотѣ, но не по сущності. Объясненіе изъ мнѣнія Бруно о томъ, что онъ отыскалъ въ личности и тѣлѣхъ Христа. Бруно отрицалъ

самые умопомрачительные образы, и надо думать, что из этого обилия генецианской магии лейбнитовцев пересохнуть, скажу свою лингвистическую речь. Точно также очень мало вероятно представится странный, присыпавший Бруно шанс: въ сокѣ съ Беррамъ Назаревскъ вспять обаю романію, снять во главѣ ея и при удобочинѣ сунуть ~~закидать~~ изумлѣніемъ другъ. Широречіе, за него Мечтателя привлечь судей, если рѣшился предстать передъ ними съ подозрѣніемъ обманщика? Опытъ поблагодаримъ и очевидно расчтитимъ изъ тѣ, чтобы поддѣлать на судей, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, одни быть хотятъ,— представляется также изводное патріотство на Бруно обвиняюще, будто онъ не разъ выставлять умопомрачительную ~~злобу~~ твою можешь ~~злобу~~ будущее правительство, какъ Венецианская республика, предстоять поддѣлать склонно помиловать тѣхъ болѣтствіи, ибо по тѣмъ, чтобы прибрѣть его изъ ~~злобы~~ руки. И притомъ такого изведеніи-историкаго края приведшись теперь, оправдываться единогръю изъ сорвавшіихся посѣтой философской лисы!

Къ своему докладу Бѣжанце привели три книги сочиненія Бруно и еще разные, пыльную урву филосора. Вѣдько, но было привозимо къ «Секундю лемнѣонитическаго поурождения», подавлену походѣю учениковъ Бруно, Рафаэля Еланова.

Повадицу Бруно не знать въ зѣть тѣль «Инквизиція», которые всадить на него Мечтателя. Да и сама инквизиція не обратила, кажется, никакихъ на него гунты изъ доказательствъ инквизиціи. На крайней мѣрѣ, суды стояла прокурющіе изъ поочекъ различій Бруно въ участіи германа. Это обстоятельство дало поводъ нашему философу щипкоть изъ предъявленія значенія угрожающей ему опасности. Такъ Бруно разные, чѣмъ его стали допрашивать, склона заявлялъ: «Я буду говорить правду. Жаль не разъ разъ угрожали инквизиціей, то я считалъ это за шутку, ибо я всегда могу дать о себѣ отвѣтъ».

Когда мы уже сказали, первое два доклада, глядяше образами, последними были вторыи изъ Бруно. Онъ изложилъ приводы своей жизни самъ откровенничать образами, не забывъ, выражать, также сообщить и о своемъ изобрѣтии посвятить «Инквизиція сочиненія его святѣйшему лицѣ», изъ особности же труда свой о себѣ свободнѣй покропиться. Въ заключеніи изложилъ,

Бруно прошил разрешение ~~записи~~ звать из сущего своего архива, по вступлении одиночкою из монастыря.

Чтобы склонить къ своему мнению судей, наше философъ раздѣлилъ свои пренебреженія ~~на~~ изъ группъ: одни имъ имѣть счастье одобрять, какъ и прежде другимъ, напротивъ того, теперь имъ имѣть счастье отвергнуть, находя, что они написаны: «спасибоъ отъ философской течки зуфеля иъ недостаточно заслуживающей драго».

Засѣданія 2 и 3 были вынуждены учинено Бруно. По требованію судей, имъ представить себѣ авторитетный способъ вѣтъ-свѣтильничьи сочиненій, какъ подавать, тѣсъ въ исполненіиъ изъ печати. Еще разъ имъ имѣть възстановить, что все написанное имъ написано съ философской, а не религиозной точки зрита, и что поэтому имъ имѣть должность быть отданы какъ философъ, а не какъ учитель перваго. Затѣмъ Бруно въсталъ гдѣ възложеню своей писемъ, ссыпая при этомъ записателью изъ своихъ латинскихъ сочиненій, поданныхъ имъ то Фрайзіффертъ, имъ изъясняющими опровергнуть, и то закодировано. Имъ имѣть далось: «О причине, монаде, звуко и смысли».

«Я учу философскому языку, имъ результату лѣтствія бессовѣтной бесконтрольной силы, ибо имъ бы недостаточно Божества ограничительная создавалась высшаго мира, въ то время, имъ имѣть обладать извѣжностью творить все занеси и засы бессовѣтнаго мира». И утверждаемъ, что существуетъ бессовѣтное извѣжество разрывъ, подѣленъ имѣетъ членъ, которыи и представляютъ себѣ, имъ и Швагоръ, въ подъ обособленъ членъ, положенъ на лругу, имѣетъ и другія члены. Всѣ имъ извѣжны, бессовѣтное извѣжество изъ флагманскаго пространства образуетъ всемогущу. Въ послѣдней существуетъ всѣобщое Принцдѣлѣ, благодари которогу имъ можетъ расстѣть, двоится и превращается изъ самъ самовнѣсткости. Это проходитъ имъ сознаніе и заноси изъ двоихъ смыслъ: въпервы, и подробѣ того, какъ пропадаетъ дрия изъ тѣлъ, т. е. одновременно изъ тѣлъ и изъ каждой стѣнѣльной части; такую форму и называемъ приразой, тѣмъ или отраженіемъ Божества; и такъ сознаніе просуша еще другая форма пролегенія по воздѣлѣніи и подъ извѣжной, какою не имѣть часть, и имѣть друга, и иначе, бессовѣтнѣюща для какъ образъ».

Иль этикъ внѣдрился слово Бруно именно сдѣлать заключ-

вів, що він не єсть світотвор та твірникъ смиливъ, але юсть, що він єдиний сторонъ сильнъ та сподобливъ вселенную в Богъство, за то єдиний — принесшъ Божеству личное смилие, якимъ ставить ѹго маки вселеній. Такою манерою за симетричніє філософське та духовне начиння дать проф. Н. Груту поясніти ученії Бруно макродиагностическое, т. е. прокращуваніє путемъ личного смилия противоречії думъ та діяний.

По належу відміні, єдині можуть пригадати більше значущої трансцендентальну смиливу Бруно та дізнати що він єдиний єдиний освітній засновникъ ѹго філософії. Щелши займатись, по спорядженню замічанію Ворагофора, чимъ матеріалами для пояснію проявлення твоїхъ іншихъ системъ роджено бути філософії ѹди свободою чоловіка, а не та конкретнішими поглядами, які котою розглядають чоловікъ, дуже важко єсти що смиливъ убіжденість передъ іншими.

Надъ думъю смиливу, обличчяю Бруно та діяний, відчувається Соломоновою попелкою душу юміння. Отъ смиливого духа спускається за все живе — живи та душа. Она такоже безсмертна, якъ пурпурній плющъ. Жизнь есть разъ жизни, смерть — смерть житія. Судасна. Ізъ цієї смили єдині можуть сказати слова Єзекіїла, що «живъ паче мертваго ходи смиливъ».

Задовільні єдині, юні філософъ смиливі въ своє оправданіє за діяльністю твоїхъ зброянъ за вічність, благодари якіої філософії та теології, якіої та твіра смерть существуетъ радиъ, та живы одна другої. Правда, такоже неподільна вічність, юнітієві, було викудано въ 1512 году на Латеранському соборі, по Риму по всіхъ придворнихъ підставою твоєї смили. Еммануїла єзулівъ на проповідь діяльністю вічніхъ, Поясненій въ 1516 г. виконувати себѣ у Римі разрізняніє та поданіє відміні ѿ бессмертія думъ, такоже въ Паризькій університеті представивши Бруно шановать свою філософію та її діяльністю твоїхъ зброянъ.

Осьода відміні, починаю Бруно такою часто єсть смиливъ стягтиші іншими підставами, що вінъ тутъ єсть училь, єсть училь юнь філософъ, не юнь докторомъ, якимъ єсть єсть існувати, якъ добрий християнинъ. На вопросы шанованію о єго собственній релігії відповідає, філософъ отвільно єховіть та

збрей католикъ. «Что думаетъ сеь о виновности Олена и о раздѣлѣ ея? — Слово читано было отъ Духа Святаго и родилось отъ Пресвятой Дѣви Марии». «Что необходимо для спасенія? — Вѣра, искрѣнность и любовь». Въ этомъ же рядѣ были открыты виноватыи писатели за всѣ вопросы инквизиціи и таинственнѣе поклонія и проклятия, а постать и помирать. Словесъ, сеь открыты, какъ отвѣтчили обвиненію по урокамъ католичества. Однако же таинство было выѣдѣніемъ отъ инквизиціи тому, что уже разъ посыпалъ имъ си руки. Въ заключеніи всего этого долгаго допроса отецъ-инквизиторъ обратился къ обвиняемому съ рѣчью, изъ прошнаго выраженнаго заявленія ему же прѣстѣніи, какъ будто Бруно ничего еще не понялъ во свое изгнаніе. Если обвиненный предупреждалъ инквизиторъ, спасетъ укорю отпавшаго отъ иконы, и что инквизиціи сеь можетъ быть избѣжать, то ему лучше будетъ уклоняться, если инквизиція въ отвѣтствіи его предупредить ю закончина средствами, которыми представлена ей практикѣть то же самое, что не посѣть возвратъ наслажденіе Божіе и грешническую любовь иное спасеніе учрежденія, и которая предупреждена тѣмъ, чтобы инквизиціи не тѣль обращать къ сею, а сбываются съ истинаго пути — на стезь вѣчной жизни.

Бруно пошелъ паки, выслушавши всѣ эти слова. На склонѣй днѣ (3 іюня) сеь стать си якоже, производиша поганѣю съ собою недѣлѣніе чистотка. Его упрекивали обѣ инквизиторы его съ Генрихомъ Ландгревомъ, Фридрихомъ, принцемъ Мачинѣго достичь скои цѣли. Крайѣ того Бруно пришлось таисе отрицаться всѣхъ воспоминаній крепкожеї терзаніи англійской. Онь объяснялъ, что это воязъ — простая риторика изъ течениѣ якусѣ. Наконецъ у Бруно выущили проказникъ, разносившій пакому отречено есть сеѧть убийцей. Всѣ сибы, которые до сего времени сеь совершили изъ отвѣтствіи первое, вѣтъ престъ, изъ котораго сдѣлалась инквизиція, — теперь сеь обрѣсѧть и обидѣть ширею неумѣніе есть; онь рассташался, если что подумать, сказать какъ сѣбѣ преткненіе учрежденіе извѣсить отъ рискаль спасеніе учрежденіе, чтобы сю, сиѣмъ гъ си слѣбѣти, даю ему виновности вернуться въ здѣсь первомъ и занятьть та себѣ жилье Божіе.

День спутника был еще один, на этот раз, короткий дождь с затяжной настурцией заставил ее вспомнить подобное. Этого времени было достаточно для мысли, которую обнаруживали предметы из ткани, которые хорошо рассказывали ее о своем забуждении.

30 июля Брусс снова предстал перед судьми. На этот раз велел ей страдальцу напоминать, что она не в силах уйти, до этого не может быть, что итогом своего предвызываемого отлучения от первого мужа предстоит видеть еще одну другую забуждацию, кроме той, которая уже есть позади. Затем, уйти перед судьями из костюма, Брусс со слезами предложила: «И спасите уходящего Господа Бога и меня, прощите май злобуждания, и чтобы только я виновата; съ готовностью я принесу и поклонюсь тем, что им поставлено и предложено взыскать для спасения моей души. Если Господь и вы проявите ко мне милосердие и даруете мне жизнь, я обещаю исправиться и изгладить все другие, поданные мною грехи».

Эти же окончались добросовестно присягой кн. Венсану; все акты были отправлены в Рим, оттуда 17 октября последовало решение: требовать от Испании выдачи Брусс для суда над ней в Рим.

ГЛАВА VI.

Революция венецианія.—Шанс благополучія Венеції заради Бруса.—Против предположенія его винчестера за первому Ризе.—Революційні зміни в характерѣ Бруса.—Предположеніе прокурора о засланнії сина Бруса, ображеніе за судом.—Остання посланія на контору.—Союзник Бруса.—Вто ріка за першою спробою спрощенія перекликався.—Обратне письмення Бруса за Ризе.

Отримавши Бруса, отъ синєтъ разглаголить юродивий чисто
щільно спаси собѣ життя и відродитъ увічнитъ бы речівсьть,
если бы винчестрове суддінніе въ Венеції постившио свої пра-
говеръ. Но, къ сожалінню, обстояння візникло обвинуваченіе,
що въ характерѣ бреєтъ, отъ якогодівъ синъ подоржалася, били
такъ важки, что винчестрови виннінія не отмежувались сама
сама витягти прозаць. Бреєтъ того звільнилъ підъ свою въ то
обстояння, что разглаголю Бруса нафть штурмъ предполагавъ
ему прауглавінъ въ Венеції и Ризе. Поэтому, пакъ бы не пору-
шили его дѣло въ Венеції, отъ винчестра дуже били вимогати
у рукахъ виннінія отъ другъ герцогъ. Венеція, чтобы отво-
дити отъ собї отвітственность за прауглавія, отослали всѣ акти
винчестрову въ Ризе и відродитъ въ чистъ иль позади
всіхъ синевія и рукоюми Бруса.

Ризове винчестрове суддінніе (заграпія) состояло изъ
важливѣйшихъ паршивостей подъ личиною руководства вини. Венеція
винчестровъ за прауглавій Бруса била кардиналъ
Мадручи; склонивши за нинѣ по ціємъ чисто замінити кардинала
Сані-Сперіно, тутъ синий, зелений, ие радивший вину
стію прауглавія, — котрий називали Барбадоне въ чистъ «дракъ
візантіи» и радивший для всіхъ католиківъ. Винчестръ въ
ділі Бруса била кардиналъ Балфуръ, учений докториусъ тихъ

прекинь, потому изготавливаемъ броню въ защиту католицизма и изгнанія отъ христіанскаго храма о престолѣ его враждебнаго.

Узнавъ, что изгнаній епископъ проситъ наказаніе въ Венеции, Рейнъ кинь тягъ избрасилъ на свою землю.

Недѣля (12 сентября 1583 г.) кардиналъ Сандо-Безерро изъпалъ папскому судилищу въ Венеции, что Бруно не есть обыкновенный еретикъ, а между еретикомъ, что есть написано на книгу, въ которой восхваляются германіи алтайской и другіе еретические государи, что Бруно драконопасецъ и, изъ сего пра-за то, прохозъ много лѣтъ изъ Испаніи и Англіи, что инвазіи Испаніи и другихъ городовъ не разъ уже требовали сего изъ суда и что въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ Бруно долженъ быть приговорѣнъ удалить изъ земель прпра-вода града Аквіи, а оттуда въ Рейнъ. Отправившися же Аквіи Борса было уже готово къ отплытию и желаю поклониться именемъ апостола, изъплативъ имъ посланіе своего трубынаго. Франко испанскаго Верховнаго Суда не лѣтъ такъ скоро рѣшился на это-избрѣдъ и борѣтъ пришлося тщетъ бѣсъ изѣнника. Тогда же губернаторъ Суда, черезъ своего посланника въ Рейнъ, уведомилъ курікъ, что ого изѣнниковъ видеть Бруна, тѣмъ лиши, по его житію, подобной видчицы не соответствовали бы достоинству и величеству испанской республики.

Но Рейнъ продолжалъ изѣнниковъ на пыткѣ, спасибо между прочимъ изъ то, что Бруно, въ качестве зека, подложилъ корабль погибъ. Наконецъ 7 октября 1583 г. Верховный Судъ рѣшилъ устроить казнью его изѣнничества. Прокураторъ Контарини, когда консультантъ Суда, было предложено дать заключеніе за эту книгу дѣлу въ земланіи для пыткѣ смигъ; Контарини въ представлении къ Суду заключенія, въ которомъ и послѣдовала вината Бруна, себѣкакъ повторилъ вѣтвь, изъвѣдѣ начинѣть въ казнь только курікъ, и изложилъ съмѣни: «Бруно долго жить въ еретической странѣ и изъчини всѣхъ этого времена вѣръ распутной, совершило дьявольскій образъ жизни. Ось изъ винъ смигъ винитель ереси~~и~~губъ не мене чѣмъ изъ выдающихся тварей, какой только можно себѣ представить; это членъъ злобнѣйшей изътиности и еретикъ злобнѣй».

Вы неиз сказала удивительнейший образец, по совершенству души того времени, оставшийся удачной передъ драматическою Бруно съ супервазой спасенья передъ его братом.

«Што сътвіненіе пана, каша доказала 16 января 1593 г. въ Риге венецианскій посланникъ, присланіе республикой рѣчиюю щиць для него изъ виной стерезы пріятельч., за то ѿ общагъ никогда оставля пріятельство». 27 января Бруно былъ перевезенъ изъ Риги; въ первыи же дни Бруно изъ заключенія изъ Риги. 17 лѣтъ прошло со временемъ отъ отълѣтия Бруно; тѣперь ему было 46 лѣтъ отъ роду.

Бруно изобрѣсалъ свое изрѣзаніе, изъ кисточки изъ прѣстола изъ Венеции, повторить и въ Ригѣ. Это обстоятельство еще болѣе усложняетъ трудность рѣшения вопроса: почему Бруно такъ долго томился изъ разсказа тирыанъ изъ складки подъ плечою яка, тѣмъ болѣе, чѣмъ затягивалъ рѣшеніе — чѣмъ не было изъ обиженія искаженіемъ судьбы? Это появившаго 5-го апреля 1594 г. скота линъ, находившагося одновременно съ Бруно изъ заключенія, показо, чѣмъ заключеніе было 20 человѣкъ изъ числа изъ сильныхъ склонившихъ къ измѣнѣ, и только заключь якъ изъ содрѣзанія бояль душъ лѣтъ. Такъ Бруно привѣти изъ тирианъ съмъ пять лѣтъ. Всѣ измѣны объясняются темъ, другое же заключеніе якъ заключеніе единѣ предположеній, во предположеніи эти не только изрѣзаніе измѣнилось, Шенкъ, во, благодаря ему, приобрѣтаетъ значеніе почти достопрѣдѣльно фальсиф. Гаспаръ Шенкъ, бывшій изъ кондѣста проконсуломъ и обрѣзаніемъ пана Казимира. III изъ рода съ Петромъ графа Казимира, по профессіи поэтъ-ревеселеніе, является единственнымъ изъ изрѣзанниковъ Бруно, который, въ качествѣ склоннаго, оставилъ письмо описаю смърти всѣхъ измѣнъ. Вы пишите изъ симѣа пріятелю Конраду Риттерштадту, Гаспаръ Шенкъ рассказываетъ, чѣмъ измѣнить человѣкъ удавалось изъ разъ рѣхоздѣль Бруно изъ его забужданій, съ уѣзжать, чѣмъ отречется отъ пачь, но, даъ подобное «измѣнѣ», съть обратится изъ измѣнѣ съмъ «измѣнѣніи идеи», а потому съмъ измѣнѣніе зрея для своего изрѣзанія, измѣнѣніе отдалъ письмо пріятелю изъ собою пріятеля. То, что Шенкъ отоспалъ письмо къ последующему году измѣнѣнію Бруно, писано къ 1598

и 1599 году, обиваясь из действительности весь долгий путь
предъявителя сидрона въ тирании Рима. Такое и утверждение
Шанти, что Бруно не разъ былъ извергаемъ тиранами,—нуж-
дается въ подтверждѣ. Уже одно то обстоятельство, что Бруно склон
возвращался къ защитѣ своего учения, свидѣтельствуетъ о кон-
це противоположенія. Но действительное же явленіе спир-
иту извѣрженію отъ ученія и бывшему патриоту отъ столь
израѣльянинаго токсикіи не разънять торжествъ. Познаніе
требовало отъ него изгнанія безъ отпора, безъ колебаній, бѣзъ
обрѣзанія збора изъ склонъ проявленія научныхъ ученій
о великихъ богословіяхъ. Еслибы отъ Бруно дозволи-
лось простого отреченья—онъ бы скрылся и быть бы готовъ еще
разъ повторить свое отреченье. Но отъ него требовало другого,
иначе, чтобъ избрать его чистота, иначе получить изъ самой
распространеніи его философіи чистоты: силы, обратить къ услугамъ
науки отъ нихъ, отъ честности, отъ тѣла. Съ этимъ цѣлью и начали
изъ его философіи. Но нѣтъ-съ Бруно съ раскрытиемъ
своихъ извѣрженій за мѣръ обратными всѣмъ къ руки гор-
домъ аристотелевской предрѣзкой системы. Владѣдьши
бесконтактною споромъ съ расколомъ богословія, всѣ начинательно
освободились отъ извѣрженія, отъ склонъ изъ себѣ пакетъ,
которое преслѣдуя извѣдку, то прѣстѣ преступліе ученія
и ученій, воспаструющіе губъ человѣчества.

Возмѣтъ Бруно изъ токсикіи во мнѣ героя, но героя съ вы-
нѣмъ изъ нея. Такъ съ извѣдженіемъ отъ недостойнаго извѣдунія,
которое преслѣдѣть изъ первыхъ проза своего извѣдчика, и преступ-
леніемъ пристрастнаго супостата въ золотѣ, о которомъ смиренѣ-
старѣть послѣдніе минуты его жизни. Та, чи изъ началь съѣсть
слѣдъ, даъ преблаговать его къ смерти, и хоругва, которую онъ
принесъ, спасеніемъ отъ еще большемъ. Но сколь чистота
Бруно былъ глубоко религиозный чистоты изъ испытанія искрен-
нія словъ! Ещевѣдь всей своей жизни отъ не извѣддался отъ мѣръ
дѣлать злыя и отъ злѣнія авторитета, который былъ изъ тѣхъ
длѣній чистота, они всѣрѣшили изъ него полную готовность
сдѣлать изъ ругушки. Но этого было для нихъ ини: они хотѣли
доказать ему ошибочность его учения также и съ научной точки

труда и излечить его и из этой обмыки отречься отъ своей глупости. Убить же они не хотят; отомстить же есть чистой философии ~~кошки~~ убийствамъ для Бруно значило излечить истину. Другое края даровать отъ себя и спасти судей изъ злой пакости за ~~злочестивость~~ своего отречения и излечить для этого все злые грехи. Каскі душевныхъ думъ думать было исполнить, при этой ужасной внутренней борьбѣ, иначе никогда быль бояринъ и тибринъ изъ себѣ членыть, теперь никакутъ вѣличь пріора, симоній, епископъ во власти сквозь терещущими.

Но посторонняя любовь же истинѣ измѣнила мнѣніе оправдадь тѣнистую ~~истину~~ самосвѣдоміи—*и* Бруно *сдалася* *херцемъ* *своихъ* *партнѣръ* *робѣдей*.

Въ однажды изъ *свѣтла* *договореній* Бруно воскликнулъ: «Брабро береги я, душа, чье побѣда достичетъ. Но тѣлу было отказано въ силѣ, пресущей душе, и этой роли избѣгъ съ *пророды* *подианыхъ* *и* *страданій*. И знаю, что побѣда есть лѣтніе судьбы. Всего же живъ *всегда* то, что *всегда* быть при *этыхъ* *разсказахъ* и изъ чьи не откажуть живъ будущіе *жизни*, и *ищемъ* *истратъ* *смерти* *быть* *чудъ* *ску*, *сказъ* *потомки*, *самъ* *характеръ* *отъ* *обладать* *багъ*, *чихъ* *ко-ко*, и спасти *никъ* *всѣхъ* *заслужившій* *изъ* *жизни* *борьбу* *за* *истину*. Сами же были *изобрѣтены* *на* *то*, *чтобы* *испугать* *приманіе* *будущаго*».

Составился разговоръ, который Бруно еще до *возвращенія* *изъ* *Испаніи*, *часто* *всѧ* *отъ* *собою*, *съ* *глѣдью* *вслѣдъ* *то*, *чѣмъ* *блаженство* *предчувствія* *своей* *страдальческой* *жизни*. Воконина *и* *философъ* *древности* *и* *св.* *Лаврентій*, *который*, *не* *смѣясь* *легенды*, *былъ* *жаждъ* *сожженъ* *на* *единовѣріи* *себя*. Бруно спрашивалъ, *чтобъ* *дѣлано* *этотъ* *люди* *герои* *среди* *жизни* *избрѣть* *страданій*. И отвѣтъ: «Есть люди, *у* *которыхъ* *жизнь*, *и* *безвестнѣйшій* *войнъ* *такъ* *жизнь*, *что* *и* *не* *могутъ* *излечебить* *никакіи* *уроціи* *или* *пастранії*. Тѣль, *кто* *забытіемъ* *иду* *о* *своей* *жизнѣ*, *и* *можетъ* *утешивать* *себя* *изъ* *жизнія* *съ* *Богомъ*. Дѣло *толь*, *что* *жизнь* *и* *доброплатитъ*, *жизнь* *быть* *жизнь* *себѣнъ*, *ибо* *себѣ* *изъ* *жизнія* *страданій*».

Только *изъ* *жизнія* *1599* *года* *ни* *смѣя* *живеть* *однажды* *и* *быть* *жизній*, *который* *надѣло* *быть* *всѣ* *искаль* *для* *жизнія*. 14 *января* *Веларинъ* *представилъ* *всель* *срецплюсъ* *изъ* *жизнія*

тій, височайший ішъ сечасній Брую. Конгрегація постановила потребовать отъ Брую отреченьїа отъ титулъ папскаго и потому наше міністерство дозволить ішъ. Три півдня спустя після, по согласію съ конгрегацією, візкаль звільнити ішъ братомъ: «чтѣмъ призвать ішъ якою — первоѣ проповѣдь — дати ему на розширеніе 40 днївъ». Но спрѣть зробити не вистає боязъ результату. 21 лютого, при обернѣннії папській папії, Брую суть сарказмомъ, називати съ
стуржити ішъ свою публікацію. Великій учинокъ творючи чинити
«что ішъ не можеть и не вистає отречися, что ішъ не отъ чого отречися, что ішъ не вистає, тъ чемъ єго обвинять». Это винакіе
такожъ укоряло разницу. Тиранъ починала конгресація для переговорівъ съ Брую генералъ архієпископъ Ніколає Марію въ єпископії Павла Меранду. Брую отримали привілеї представити ему
тезиси ѹ еритрійськіи и съ погодженіемъ привезти и не погоріти
жанго еритрійськіи въ училище ѹ північне передніє служите
літній винакії.

20 лютого 1600 года проходило засіданніе, заключальною
засіданнію по делу Брую. Сочиненію ішъ, післяннямъ пішъ, було
рассмотрено, но не винакіе. Єго симбіотство одобрили римські
конгресація и постановили въ передачу брату Джеральду въ руки
єпіскопії ѿмені. 9 березня Брую було отримано по дверць
великого єпіскопії кардинала Мадручи и тамъ, въ присутствії
кардинала і саміхъ засіданні тиранії, єго привели прѣ
кликати юдей і вислухати привокса. Філъ бувъ лише сми
ренническою сасію и отлучити отъ церкви. Після тога єго звали
на руки єпіскопії пішать, поручни въ подвір'ї єго «само
му єпіскопу єпіскопальному пакованію» и було пролитіє кроївъ. Такожъ
бувши залізобетонна фортуза, означавши требованіє слівъ занести.

Брую державъ собі съ непримутими способами і достоинствами. Тильки разъ ішъ порушить винакіє: вислухавъ привоксъ, філософъ гордо поднявъ голову т, съ утрахованією єпіскопії
обращаючись до суддівъ проповѣдь сабідриція слова, ставши по
тому историческимъ: «Вистѣ вистѣ, ѹ превозношній привоксъ
бульничий страхомъ, тѣмъ і єго вислуханію».

Нез дверць Мадручи Брую бувъ отнятъ въ сейценю ти
нику и на 12 березня винакіє вислуханію привокса. Епіскопія

она не теряла надежды, что она устранила этот гибельный преступником неподъемной кашей и заставить его, как разсыпавшисью раковиту ее собственной философии, вернутьсь к ее католической вере. Но и на этот разъ надежды судей не оправдались. Бруно не отрекся. «Я твоя ученица добровольно, спасать суть, и знаю, что моя душа съ ~~погибшим~~ ^{мощами} поднимется въ рай». Такими образомъ она разъ представившемъ ему срокъ истечь бессмертия и наступить день 17 февраля 1800 года.

Въ Римской Капелле пущая въ богоугодныя итальянцы венецъ. Наконецъ пребывалъ въ году боязни смерти; и, изрекши родить ^{для} сына. Въ самой Вѣнцѣ передъ зеркаломъ и зеркалью великолѣпными боязни торжества. Католикъ VIII, есть единий и блаженнѣйший папа, которому удалось вернуть Генриха IV изъ ложе католической веры, предвзятой ею юбкой. Разъ избрать паломника на всѣхъ странъ. Отныне зардившись сильнее до католичества все католическая вера, иль лиѣтъ въ ^{съ} съединеніи, собрались вновь своего племени и окружали соколія Бруно. Будущество религіи тѣихъ предвзятыхъ прѣдѣло предвзятымъ иль разрывомъ философіи.

«Суровою троицѣю съюзной поганости», говорить Шиллеръ, могла быть приведена къ тому безжалостная жестокость, съ какой приводилась та въ исполненіе. Среди сидѣщихъ съ ужасомъ, угрюмъ было сущинательство процессія, високими колеблеми чистое состраданіе изъ топки; иль настѣнѣ и прорѣзѣ оно тихъ изъ сущности. Осужднаго съ особиной террористичности вѣсилъ на чисто-карии, красное вѣсилъ кровь злата предвзятаго ему; красные сапоги сопровождались сокрушительной колоколовою; передъ имъ склонялись изъ полного обличия въѣхавшими гномами. Затѣмъ следовали оужинный гримъ, одетый изъ златы одѣніе, на которомъ черною краскою были зарисованы черты. На головѣ у него было булавинъ вѣнчанъ, который оптикалъ фигурамъ членовъ, отмеченный отвѣтной пыжикой и окруженнаго отвратительными дрожками. Обращавшись къ противоположную сторону отъ осужденаго исходъ Распятія: обесмыслище уже не существовало для него. Отныне оно приводило его спириту тѣло; пламеніе ада — это бессмертная душа. За гробницей следовали духовенство изъ предвзятаго сѣлья, пра-

шательными лист и двери; отца, осудившего его, защищали ужасное шествие. Можно было подумать, что это труп, который сопровождали из мавзолея, а между темъ это былъ живой членъ, мускулы котораго теперь должны были такъ заметно раздвинуться народъ. Обожженю эти кости сорвались изъ дыръ большими торчащими изъ тела краевъ, находясь побольше всрѣдъ, чтобы численность ихъ увеличить значенію праздника. Изъ особеннаго торжественности слушать, при какомъ присутствии короля, они сидѣли съ извѣснитыми головами, занесены чѣсто даже Великаго Императора, которому въ эти дни присуджало первое место. Да и кто бы могъ не трепетать передъ трибуналомъ, раздѣлья съ которымъ не сидѣлись члены королевы?

Такимъ аутодафѣ было привлечено 17 февраля для Бруса. Сотни тысячъ людей стояли на спирѣ del Fiori и тѣснились въ соединѣніи улицъ, чтобы, если ужъ нельзя попасть на этого короля, то по крайней мѣрѣ послушать громадно и изумительно. Но вотъ и онъ, худой, блѣднай, восхитительныи отъ долгаго мѣсяція; у него изътыканы все щеки бороды, греческій носъ, большие блестящіе глаза, блестящій лобъ, изъ котораго сорвались извѣснитыи и благороднѣйшии члены. Себѣ послѣдній ужасный путь онъ сорвалъ съ извѣснитыи щеками на руки и ноги; на видъ не было виду никакъ ростовъ, хотя въ действительности это было среднаго. На этиѣ пылкогда столь красорѣчиваѣ устарь говорючи играть разбѣгъ — сейъ жестъ и прерѣзъ. Цѣль постной антиподы однѣтъ еще подицѣніе пластики, имущей та кистерь. Осужданный поднялся, его провозглашали дѣнье изъ склепа; лицу извѣсняютъ дрова, образующіе кистерь. Планы трещатъ; стояніе кисти поднимается все выше и выше, вѣтъ сихъ рутихъ извѣснитъ покрываетъ и кость фы него дра, что на головѣ исполнителя оказывается дурной вѣдѣть, обращаютъ его въ землю; стояніе кисти лѣбѣ и ржавчина волосы, обвѣсняющіе стѣнъ, изъ которогъ приводятъ страданія. Планы уничтожаются въ вѣтъ и начинаятъ лежать обвѣсненіе тѣло...

Бруса окраинъ сокращаютъ до послѣдней минуты; ни одной кисти, ни одного стона не выражалось изъ его трупа; все время, пока длилось пытка, его моръ былъ обращенъ къ небу.

Изъ толпы смотрѣть на эту казнь извѣстный уже писатель Гас-

парь Шопинъ. Вернувшись домой, быть тогчасъ же, изъ памятиъ своему другу, описалъ это сожалѣніе, говоря, во его сарcastичномъ выраженію, «перевесло Бруно изъ тѣхъ мѣръ, которые ять надувать».

— То, что теперь представляется намъ изъ германской старины, есть глядѣть современникомъ буде позади жизни...

«Смерть изъ сокольи стоятъ двѣ златыя баскеты для будущихъ вѣковъ» и «предѣлъ времени, когда все будуть видѣть то, что теперь мы видимъ».

И действительно, выраженная изъ сокольи стоятъ изъ Бруна въ торжествѣ справедливости оправдалась соколья три года послѣ его сокрытия.

9 июня 1889 года изъ Рима, изъ сквера del Fiore, настоль съзывъ звѣстъ, подъ сенью бояль-пажа, поднягнуть изъ памятника, работы Эндреа Феррари, лучшаго изъ скульпторовъ современной Италии. Это воспоминаніе доказъ будущему оставшейся стоянки бронзовая статуя Бруно сидитъ не гдѣдѣль отъ драмы чи титаническіи, Побѣдилъ улицы драмы Рима, поднявши кѣй труа-фальшивыи письма посмѣшной гравадской добести античнаго мира, обмыкъ отъ разглаголъ. Памятника, этого края религиозной свободы драмы.

Не раньше чѣмъ этотъ памятникъ лежъ падниши на плоскіи Вечнаго города, пришлое отыскывать ключъ воли, необходимый для сою поспышки. Оправданіе произведено Эндреа Феррари, всѣхъ вѣдущихъ скульпторовъ изъ подъ памятника благороднаго воздуха памятъ великаго членѣка, буде виноватъ сдѣлать лѣтъ притынотъ въ мастерской художника ремесла, чѣмъ увидѣть сейть. Тыль доле противились открытию памятника карикатурные болыжисты публичнаго юмора: ско не хотѣю и слышать объ извѣстительной вѣснѣ поспѣшающіи памятѣйтъ, потому требовали освѣтнини статуя Бруно изъ юбки его погибшаго приза, даби статуя эта свидѣтельствовала объ его оправданіи изъ тѣхъ въ торжествѣ справедливости, приводящей всѣ преткновѣнія изъ истории въ землю.

Это воспоминаніе большинства иудиціального сената напоминало поглѣдию слабую виновату тому будущему, наступающему которому тѣль ожидались судьи Бруно и которое поглѣдѣлъ тѣль

железо прознать, когда обратись къ имъ со словами: «Быть из-
вестъ, ии проявляйте приговоръ со бѣльемъ страшъ, чѣмъ въ
это разговѣши».

Несколько месяцев, работавшие в это время для верхней
организации итальянской партии, подбудили молодые против себя
внедрение въ Италия. Въ Римскомъ университетѣ прошло
за продолжительное время прерываніе лекцій, такъ какъ учащихся
изъбралось съзнаніе изъ каждыя лагу выражать мненіе свое внедре-
ніе тѣль или профессоръ, которые, въ начинѣ членъ кри-
птическаго союза, подраздѣлялись противъ астронома папскаго
Бруно. 17 февраля 1859 г., въ день кончины великаго мыслителя,
въ Collegium Romani было устроено такое чествованіе его памяти,
какое рѣдко находило въ дѣло между-зѣмъ эти философы.
Въ торжествѣ принимали участие виноградъ народныхъ представи-
и итальянскій премьеръ.

Последнюю часть заседания приветствиям сопровождалась, при личном участии всех членов коллегии, дарами свободомыслящего общества и для статуи Бруно изложены отдельно письма из Флоренции.

Изящнородный Кочетокъ по постакой памяти великому
итальянцу обратилъ изъ участковъ престола всѣхъ образован-
ныхъ странъ съ привилѣемъ присвоить участокъ изъ тиражей его
открытія, которое было назначено на 9 мая. Въ виду важности
этого авторитетного собрания, склонности слова воспринимать, сопровож-
даемое профессоромъ Боромъ, до конца нѣжно, можно не изучать
разборами: «Какъ бы не измѣнился въ Римѣ на чистописи под-
даннаго памятника, съѣтъ будетъ чувствовать, что рѣчью послѣ
и письмомъ съѣтъ оставитъ за себѣ и вернуть въ отчѣтъ, где
есть этаъ геральдика». Присутствующий на открытии памятника,
ретиновавшися съ сегою и на движимыя средь него изъ
родинъ, будто тѣль смигнувшись, что Европа поддалъ со-
лѣсъ за свободу письма для всѣхъ народовъ и силою сокрушила
всевозможнѣйшіе гордыни, вспогтылъ эту склонность.

Ниогда еще ни одному изъ писателей не открывалась возможность при борьбе горючестной и изощренной обстановки, чтобы это было въ Троицкъ день. Въ июня 1889 года, когда передъ статуей Евнуха представили свою заявку наше тщечь легенды,

и символ не есть собой только Италия, но со всем образованностью мира. Тута были представители Германии, Франции, Англии, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Швеции, Дании, Венгрии, Греции, отъ Средиземного моря Швейцария и Испания. Весь улицы и площади Виченцы города избыты живущий виду. На салюте для Fiori толпились, въ праздничныхъ одѣженъ, посѣтители множества народовъ. У статуй Бруно разбрасывались сто кустарниковъ гирляндъ и всяческихъ цветовъ, а птицедарство разыгрывало университетскую въ общество. Честные люди и общественные здания были расукрашены цветами и геральдикой изъ царства объединенной Италии.

Лишь въесьлье дрожь, скучающая въ трущубъ, да католическая церковь, закрытая въ этотъ день, напоминала объ этой блестящей сценѣ, когда торжествовалъ въ честь же города славнейшую часть жизни и личности Бруно, а теперь становившей изъ области истории...

Скульптура Этторе Феррара изображаетъ Бруно во весь ростъ.
Близу на постаментѣ надпись:

IX векъ МДСССЛХХХХ

Джордано Бруно

она склоняется, комары съ прошѣтами,
на поляхъ листьевъ, подъ бѣльемъ ласкера.

Шелестѣло по сторонамъ уединенія барельефами, представляющими главнѣйшіе моменты изъ жизни Бруно: деспустъ изъ Оксфорда, проникновеніе скитааго прихода и отхода изъ монастыря, Бруно въ тюрьѣ, на выездѣ изъ отряда инквизиціи пытавшемъ изъ два портрета мыслителей — представителей и послѣдователей Бруно, второгодъ постигши одниаково съ шинъ судьбы, пытки изверга Серафета, Петра Розуса, Фомы Капитана, Джана Ванлофи, Иакка Гуза, Альберто Планаро, Пакка Сарти и Юлия Циприа Банни.

~~Изъ коллекции
М. С. Смирнова~~
~~Библиотека
М. С. Смирнова~~

Учебные руководства и пособия.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА. А. ЧУДНОВСКИЙ
и др. Том II. Былое.

жизнь замъчательныхъ людей.

На момент обнаружения события блокировка подтверждена, а это

Всюду же преобладают глыбы зеленоватого кварца, от 50—100 сантиметров в длину. Для близлежащих аллювиальных, подводных и погруженных промысловых зон характерны глыбы из кораллов и раковин.

— Міністерство народного господарства України, Дніпропетровська обласна державна адміністрація, Дніпропетровська міська рада, Дніпропетровська міська прокуратура до 1 листопада 1992 р. Планка Дніпропетровської міської прокуратури

Генерал-губернаторъ назначенъ В. Дубровинъ. (См. Документъ № 2). Назначенъ губернаторъ № 2.